

ДИН КУНЦ

ХОЛОДНЫЙ
ОГОНЬ

Если вас окружает Зло, ему ничего не стоит одержать верх над вами.
Достаточно вам испугаться — и оно вас проглотит. Просто нужно
бороться, — в конце концов, у каждого есть шанс победить.

Дин Кунц

The Big Book

Дин Кунц

Холодный огонь

«Азбука-Аттикус»

1988

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кунц Д. Р.

Холодный огонь / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус», 1988 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-18895-2

Их свел случай, странное происшествие, которое могло стать трагедией, но, к счастью, все завершилось благополучно. Холли Торн, талантливый журналист, становится свидетельницей того, как неизвестный мужчина, появившийся словно бы из ниоткуда, выхватывает из-под колес машины школьника-подростка – в последний момент, когда гибель мальчика была уже, кажется, неминуема. Журналистская интуиция подсказывает ей: вот он, герой, который станет в ее карьере стартом к профессиональным высотам. Но все оборачивается иначе. Джим Айронхарт, спасший мальчика, обладает удивительным свойством – внутри его существует нечто, что толкает Джима все бросить и ехать, лететь, бежать, чтобы спасти человека. Ребенок это, взрослый – не важно. Он не может сопротивляться, сила, которая им управляет, выше его воли и разума. Джим не понимает ее природы, он подавлен, растерян, он истощен морально. И Холли со временем понимает, что цель ее жизни не профессиональный рост, цель ее – спасти человека. Спасти от самого себя. Роман издается в новом переводе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18895-2

© Кунц Д. Р., 1988
© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

Часть первая. Герой, друг	8
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дин Кунц

ХОЛОДНЫЙ ОГОНЬ

Dean Koontz

COLD FIRE

Copyright © 1988 by Nkui, Inc.

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary

Agency

All rights reserved

© И. Б. Русакова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Если вас окружает Зло, ему ничего не стоит одержать верх над вами. Достаточно вам испугаться – и оно вас проглотит. Просто нужно бороться, – в конце концов, у каждого есть шанс победить.

Дин Кунц

В восемь лет Дин Кунц писал свои сочинения от руки, делал к ним цветные обложки и продавал соседям. Первый его роман «Star Quest» (в русском переводе «Мутанты») был издан в 1968 году.

Начав с традиционной фантастики с вкраплением элементов хоррора, после 1975 года Кунц пишет исключительно хоррор. На сегодняшний день у писателя выпущено более 90 произведений, переведенных на 38 языков мира и изданных тиражом 450 миллионов экземпляров.

* * *

Многие романы Кунца были экранизированы. Критики нередко ставят писателя в один ряд со Стивеном Кингом и Питером Страубом.

Кунц из тех немногих романистов, кто всегда обладал почти диккенсовской способностью к описаниям и даром с легкостью переносить нас со страницы на страницу.

Los Angeles Times

Головокружительная, галлюциногенная проза... «Серьезные» писатели, вам не мешало бы изучить, как он это делает.

The New York Times Book Review

Возможно, больше, чем любой другой автор, Кунц создает художественные тексты, идеально соответствующие сегодняшнему настроению Америки... романы, которые, с одной стороны, признают реальность и упорную настойчивость зла, с другой – неиссякаемую силу добра...

Publishers Weekly

Кунц – великий рассказчик.
New York Daily News

* * *

*Нику и Вики Пейдж,
которые умеют быть хорошими друзьями
и добрыми соседями, когда захотят.
А также
Дику и Пэт Кэрлан,
одним из немногих в Голливуде,
у кого есть и всегда будет сердце.
С вами моя жизнь стала лучше.
Ненормальнее, но определенно лучше.*

Часть первая. Герой, друг

*В реальном мире, как и в мире снов,
На всем лежит таинственный покров...*

Книга сочтенных печалей

*Жизнь без цели, без смысла
Не рождается в мир.
Мы находим ту искру,
Что зажигает наш кумир...
Или черный рог Смерти
Нас сзывает на пир.
Жизнь, лишённая цели,
Ослепляет, как дождь,
Мы блуждаем в потемках,
В сердце холода дрожь...
Или жаждою смерти
Обагрим свой нож.*

Книга сочтенных печалей

12 августа

1

Джим Айронхарт мог бы догадаться, что надвигается неотвратимое, еще до случая в супермаркете. Ночью во сне его преследовала стая огромных черных птиц. Он бежал через поле, а птицы с пронзительными криками кружили над головой и неистово хлопали крыльями, готовясь вцепиться в него крючковатыми клювами и острыми, как скальпель, когтями. Джим проснулся от духоты и в одних пижамных штанах потащился на балкон глотнуть свежего воздуха. Однако к половине десятого утра воздух уже прогрелся до тридцати двух градусов, и неприятное ощущение, с которым он открыл глаза, только усилилось.

Джим подольше постоял под душем и побрился, это немного его освежило.

В холодильнике нашелся один-единственный заплесневелый кусок пирога «Сара Ли». Наверное, так бы выглядел выращенный в лаборатории особо вирулентный возбудитель ботулизма. Джим встал перед выбором: голодать или выйти в пекло.

В тот знойный августовский день птиц можно было увидеть разве что в кошмарном сне, в реальности они предпочли калифорнийскому небу кроны деревьев – укрылись в тени и только изредка без особого энтузиазма подавали голос. Собаки торопливо пробегали по раскаленным тротуарам. Даже ребенок не стал бы проверять, можно ли на асфальте поджарить яйцо: в это и без опытов верили и взрослые, и дети.

Легкий завтрак под зонтиком на пляже Лагуна-Бич отнял все силы, Джим снова покрылся испариной. Это был один из тех редких дней, когда с океана не дул даже легкий бриз.

Из кафе Джим отправился в супермаркет, который в первые минуты показался настоящим оазисом. Джим был в белых слаксах и синей футболке, так что воздух из кондиционеров и от холодильных горок приятно освежал тело.

Приступ случился в кондитерском отделе, когда он сравнивал составы миндального печенья и ананасово-кокосово-миндальных шоколадок, пытаясь решить, что из них – наименьшее прегрешение против диеты. Правда, по шкале подобных случаев это и приступом сложно было назвать: ни конвульсий, ни судорог, ни ручейков пота, ни разговоров на непонятных языках. Ничего такого. Джим просто вдруг повернулся к стоящей рядом женщине лет тридцати и сказал:

– Спасательный круг.

Симпатичная женщина в шортах и топе с ляжкой через шею, вероятно, уже устала от охотников к ней подкатить.

– Простите? – переспросила она, похоже приняв Джима за одного из них.

Плыви по течению, велел себе Джим, не бойся.

Его начало трясти, но не из-за кондиционеров, а от холода, который сковал внутренности, словно извивающиеся угри. Силы оставили Джима – пальцы разжались, и пачка печенья упала на пол.

Стало неловко, но он не мог себя контролировать и только повторил:

– Спасательный круг.

– Не понимаю, – сказала женщина.

– Я тоже, – признался Джим, хотя такое случилось с ним уже в десятый раз.

Женщина держала коробку с ванильными вафлями так, будто готовилась бросить ее Джиму в лицо и убежать. Она явно размышляла, не похож ли он на героя заголовков типа «Буйнопомешанный застрелил шестерых в супермаркете». Однако она, словно добрая самаритянка, сначала спросила:

– С вами все в порядке?

Джим наверняка побледнел – он почувствовал, как от лица отлила кровь. Постаравшись бодро улыбнуться, хотя понимал, что вместо улыбки выйдет малоприятная гримаса, Джим сказал:

– Мне надо идти.

Он развернулся и, оставив тележку, вышел из супермаркета в августовскую жару.

От резкого перепада температур перехватило дыхание. Расплавленный асфальт на парковке прилипал к подошвам. Солнце серебрило ветровые стекла автомобилей и, падая на хромированные бамперы и решетки радиаторов, разлеталось на тысячи ослепительных лучей.

Джим подошел к своему «форду». Кондиционер не спасал: не успел он выехать со стоянки и свернуть на Краун-Вэлли-парквей, а поток воздуха из-под приборной доски уже можно было назвать освежающим только потому, что в салоне стало невыносимо жарко. Джим опустил окно со своей стороны.

Сначала он не знал, куда едет, потом появилось смутное чувство, что надо вернуться домой. Это чувство очень быстро переросло в уверенность, а уверенность – в навязчивую потребность. Нужно быть дома.

Джим ехал слишком быстро, лавировал между машинами, шел на обгон, рисковал. Останови его патрульный, он бы не смог объяснить, почему так спешит.

Казалось, кто-то управляет им, как он сам управляет машиной.

Джим снова велел себе плыть по течению, что было нетрудно, потому что выбора у него не оставалось. А еще он велел себе не бояться, но страх был его постоянным спутником.

Наконец Джим свернул на подъездную дорожку к своему небольшому дому в Лагуна-Нигель. Из-за черных теней от остроконечных пальмовых ветвей на ярко-белой оштукатурен-

ной стене казалось, что дом высох и потрескался от зноя, а красная черепица на крыше напоминала рябь на огненном море.

Сквозь тонированные стекла в спальню лился красноватый свет. Его медные полосы на кровати и грязно-белом ковре чередовались с лентами теней от приоткрытых жалюзиных ставен.

Джим включил прикроватный светильник.

Он понял, что собирается в путешествие, только когда вытащил из шкафа чемодан. Упаковал бритвенные и туалетные принадлежности. Куда и на сколько он едет, Джим не представлял, но уложил две смены одежды. Его работа (или миссия, бог знает, как назвать) обычно не занимала больше двух-трех дней.

Джим помедлил – не маловато ли вещей? С другой стороны, поездки слишком рискованные, каждая может стать последней, а в таком случае какая разница, сколько с собой брать?

Он закрыл чемодан и некоторое время смотрел на крышку, не понимая, что делать дальше.

– Надо лететь, – сказал он.

Теперь он знал.

Дорога до аэропорта имени Джона Уэйна на юго-востоке от Санта-Аны заняла меньше получаса. По пути Джим замечал едва уловимые приметы того, что до постройки акведуков Южная Калифорния была настоящей пустыней: билборд, призывающий экономно расходовать воду; неприхотливые кактусы и ледяник, которые высаживали садовники перед многоквартирными новостройками в юго-западном стиле. Земля на необработанных полях и пустующих холмах между «зелеными поясами» и озелененными поместьями высохла и поблекла на солнце. Одна спичка в руке пиромана могла положить начало сезону пожаров.

В главном терминале потоки пассажиров устремлялись к выходам на посадку и обратно. Мультирасовая толпа опровергала застарелый миф о том, что пресный в культурном отношении округ Ориндж населен исключительно белыми протестантами. По пути к телемониторам со списками рейсов «Тихоокеанских юго-западных авиалиний» Джим успел услышать речь на четырех языках, не считая английского.

На табло отправлений Джим просмотрел все города сверху донизу. Предпоследний – Портленд, Орегон – словно высек искру в его сознании, и он поспешил к билетной стойке.

Обслуживавший Джима приятный молодой человек в аккуратной униформе был похож на образцового работника Диснейленда – но только на первый взгляд.

– Рейс на Портленд через двадцать минут, – сказал Джим. – Места еще есть?

Молодой человек сверился с компьютером.

– Вам повезло, сэр, есть три свободных места.

Пока кассир оформлял билет по кредитной карте, Джим заметил, что у того проколоты уши. Дырки в мочках бросались в глаза, значит парень после работы постоянно носил серьги, причем тяжелые. Служащий протянул Джиму кредитку, рукав его рубашки задрался, и над правым запястьем открылась оскаленная пасть дракона: детальная цветная татуировка явно на всю руку. На костяшках пальцев у парня были подсохшие ссадины – наверняка после драки.

По пути на посадку Джим гадал, в какую субкультуру ныряет этот парень, сняв в конце рабочего дня униформу и накинув свою привычную одежду. Что-то ему подсказывало, что этот малый не просто обычный байкер или панк.

Самолет оторвался от земли и взял курс на юг. Безжалостное солнце слепило глаза, но потом они свернули на запад и дальше полетели над океаном на север. Теперь Джим видел только отражение самолета в воде. Поверхность океана стала похожа на вырвавшуюся из трещины в земной коре бурлящую магму.

Джим поймал себя на том, что стиснул зубы и вцепился в подлокотники кресла, точно орел, который вонзил когти в ненадежную ветку.

Он попытался расслабиться.

Джим не боялся летать. Страх всеял Портленд... Вероятно, там его поджидает смерть. Интересно, в каком обличии?

2

Холли Торн приехала в частную начальную школу на западе Портленда, чтобы взять интервью у Луизы Тарвол, учительницы, которая умудрилась продать свой сборник стихов одному из крупнейших издательств Нью-Йорка. Задача была не из легких, учитывая, что в наше время для большинства людей поэзия – это тексты популярных песен или зарифмованная телевизионная реклама собачьего корма, антиперспиранта или радиальных шин с металлокордом.

Летом занятия шли только в нескольких классах, и коллега согласилась подменить Луизу на время интервью.

Они сели за красный столик на игровой площадке, но сначала Холли провела ладонью по скамейке, желая убедиться, что не испачкает белое хлопчатобумажное платье. Слева от столика были разнообразные лазилки, справа – качели. В теплом воздухе разливался аромат растущих неподалеку пихт.

– Какой здесь воздух! – Луиза вдохнула полной грудью. – Сразу кажется, что ты на опушке парка в пять тысяч акров! Почти не чувствуется смрада человеческой цивилизации.

Том Корви, редактор раздела досуга «Портленд пресс», перед командировкой дал Холли почитать «Шепоты кипариса и другие стихи» авторства Тарвол. Холли была бы только рада, если бы ей понравился этот сборник. Она вообще радовалась чужим достижениям, может, потому, что сама не преуспела в журналистике и нуждалась в напоминании, что успех все-таки возможен. Увы, стихи Луизы Тарвол, уныло-сентиментальные хвалы природе, были скучны, хоть вешайся. Будто она примеряла на себя роль второго Роберта Фроста, но ее вирши подправил редактор «Холлмарка», чтобы они подошли для приторных открыток к бабушкиному юбилею.

Тем не менее Холли хотела написать благожелательный репортаж. За годы работы она повидала репортеров, которые из зависти, желчности или из ложного чувства собственного превосходства всё переворачивали и расставляли акценты так, чтобы выставить героя своего материала дураком. За исключением случаев, когда речь шла о гнусных преступниках или грязных политиках, Холли не умела ненавидеть настолько сильно, чтобы писать подобные статьи. И в том числе поэтому, поработав в трех крупных газетах, она в итоге оказалась в более скромной «Портленд пресс». Тенденциозные материалы зачастую ярче сбалансированных репортажей, их обсуждают, ими восторгаются, газеты, в которых они печатаются, лучше продаются. Но у Холли, хотя ей почти сразу не понравилась Луиза Тарвол, причем даже больше, чем ее стихи, не лежала душа к такой работе.

– Только на природе я оживаю. Вдали от цивилизации, где слышатся голоса в кронах деревьев, в кустарнике, в прудах, в грязи...

Голоса в грязи? Холли чуть не рассмеялась.

Внешне Луиза была ей симпатична – уверенная в себе, здравомыслящая, энергичная. Женщина тридцати пяти лет, всего на два года старше Холли, она выглядела старше на все десять. «Гусиные лапки» в уголках глаз, морщинки у рта и обветренная смуглая кожа выдавали в ней человека, который много времени проводит вне дома. Выгоревшие на солнце, стянутые в хвост волосы, джинсы, синяя клетчатая рубашка.

– В лесной грязи есть своя чистота, – уверенно сказала Луиза. – Ее не сравнить со стерильной чистотой хирургического отделения. Из этой обновленной чистоты души рождаются совершенные химеры высокой поэзии.

– Химеры высокой поэзии? – переспросила Холли с таким видом, будто хотела удостоверить, что ее диктофон верно фиксирует каждый перл поэтессы.

– Химеры высокой поэзии, – повторила Луиза и улыбнулась.

Сама Луиза, в отличие от ее внешности, раздражала Холли. Она культивировала таинственность и казалась насквозь фальшивой. Ее позиция, ее взгляды были зыбкими и основывались не на фактах или знании, а на фантазиях, она крепко за них держалась, но от этого они не становились реальны. И она подавала их цветистыми, но неопределенными словами – пышными, но пустыми.

Холли сама регулярно перечисляла деньги на защиту окружающей среды, но тот факт, что в определенных вопросах она выступает на одной стороне с Луизой, ее совсем не порадовал. Неприятно иметь «поехавшего» союзника, тогда и твои взгляды ставятся под сомнение.

Луиза подалась вперед и положила руки на столик.

– Земля живая. Она говорила бы с нами, будь мы этого достойны. Говорила бы из камня, из растений или из пруда, так же легко, как я разговариваю с вами.

– Какая интересная теория, – заметила Холли.

– А люди всего лишь вши.

– Вши?

– Вши на теле земли, – с мечтательным видом подтвердила Луиза.

– Я не думала об этом в таком ключе, – призналась Холли.

– Бог не просто в каждой бабочке, бог и есть бабочка, птица, кролик, каждое дикое животное. Я бы пожертвовала миллионом человеческих жизней – нет, десятком миллионами! – ради спасения одного невинного семейства куниц, потому что каждая куница есть бог.

Холли притворилась, будто ее взволновали речи Луизы, хотя сама подумала, что все это похоже на экофашизм.

– Я каждый год перечисляю пожертвования в Комитет по охране природы, – сказала она, – и даже могла бы назвать себя энвайронменталисткой, но теперь понимаю, что до ваших высот мне еще далеко.

Поэтесса не уловила сарказма в словах Холли, она потянулась через стол и сжала ее руку:

– Не расстраивайтесь, дорогая, вы к этому еще придете. Я чувствую у вас ауру большого духовного потенциала.

– Помогите разобраться... Бог – бабочки, кролики и все дикие животные. И бог – камни, грязь и вода. Но бог – не мы?

– Да, и виной тому одно наше противоестественное свойство.

– Какое же?

– Разум.

Холли удивленно заморгала:

– Разум – противоестественное свойство?

– Разум такого высокого уровня – да. Ни одно другое существо в природе им не обладает. Вот почему природа нас чурается, а мы подсознательно ее ненавидим и стремимся уничтожить. Высокий уровень развития ведет к прогрессу. Прогресс порождает ядерное оружие, биоинженерию, хаос и в результате приводит к гибели.

– Но ведь именно бог (или все же эволюция?) наделил нас разумом? – спросила Холли.

– Непредвиденная мутация. Мы мутанты, вот мы кто. Монстры.

– Значит, чем примитивнее живое существо...

– Тем оно ближе к природе, – закончила за нее Луиза.

Холли задумчиво кивнула, будто всерьез рассматривая теорию о превосходстве неразумного мира над разумным. На самом деле она думала, что все-таки не сможет написать эту статью. Луиза Тарвол со своими сумасбродными идеями была настолько нелепа, что Холли просто не могла выдать о ней благожелательный материал, не поступившись своими принципами. В то

же время ей не хотелось выставлять женщину на посмешище. Проблема Холли крылась не в ее несгибаемом цинизме, а в ее добром сердце. Никто не бывает так несчастен и неудовлетворен собой, как наделенный даром сострадания циник.

Холли убрала ручку – заметки она все равно не собиралась делать. Ей хотелось лишь поскорее распрощаться с Луизой и уйти с этой детской площадки в реальный мир, пусть он и был почти так же безумен, как их встреча. Все-таки нужно предоставить Тому Корви запись разговора на полтора-два часа, чтобы дать другому репортеру материал для статьи.

– Луиза, – сказала Холли, – поразмыслив над вашими словами, я прихожу к выводу, что вы, как никто другой, близки к природе.

Поэтесса восприняла этот легкий выпад как комплимент, улыбнулась и охотно приоткрыла для собеседницы еще одну грань своей философии:

– Деревья – наши братья. – (тут она, видимо, забыла, что люди – вши, а не деревья.) – Стали бы вы отрубать конечности у своего брата, распиливать его плоть и строить дом из частей его тела?

– Нет, не стала бы, – честно ответила Холли. – И потом, вряд ли город дал бы разрешение на строительство настолько нетипового здания.

Холли ничем не рисковала – у Луизы не было чувства юмора, а следовательно, и обидеться на шутку она не могла.

Пока поэтесса разглагольствовала, Холли облокотилась на стол и, симулируя внимание, быстро прокрутила в голове свою взрослую жизнь. Она пришла к выводу, что все эти годы тратила драгоценное время на разных идиотов, социопатов и жуликов, которые делились с ней своими бредовыми планами и мечтами, в то время как она тщетно пыталась найти крупинцы смысла в их глупых или сумасбродных рассказах.

Все больше погружаясь в тоску, Холли поразмышляла о своей личной жизни. Она не пыталась завести близких друзей в Портленде, возможно, потому, что в душе знала: этот город – не больше чем очередная остановка в ее журналистском странствии. Опыт отношений с мужчинами навевал еще больше тоски, чем интервью с представителями обоих полов. Да, Холли еще надеялась встретить своего единственного, выйти замуж, нарожать детей и наслаждаться семейной идиллией. Вот только она сомневалась, что в ее жизни появится кто-то симпатичный, умный, интеллигентный и по-настоящему интересный.

Возможно, этого никогда не случится.

А если такой мужчина однажды по чудесному стечению обстоятельств встретится ей на пути, его внешность и приятные манеры наверняка окажутся маской, под которой скрывается серийный убийца с цепной пилой.

3

Выйдя из терминала международного аэропорта Портленда, Джим сел в такси компании «Нью-роуз-сити-кэб». По названию можно было подумать, что эта компания – корпоративный приемный ребенок из давно забытой эпохи хиппи, появившийся на свет во времена фенечек и «силы цветов». Но таксист – согласно лицензии его звали Фрейзер Тули – пояснил, что Портленд называют городом роз, цветы здесь повсюду и они символизируют обновление и развитие.

– Так же как уличные попрошайки в Нью-Йорке символизируют стагнацию и упадок, – самодовольно, но абсолютно беззлобно добавил он, и у Джима возникло ощущение, что портлендцы все такие.

Тули, внешне один в один Лучано Паваротти, неуверенно переспросил:

– Вы хотите, чтобы я просто немного вас покатаю?

– Да, думаю посмотреть город, перед тем как заселюсь в отель. Никогда не бывал в Портленде.

По правде, Джим просто не знал, в каком отеле остановиться и что ему предстоит сделать вечером или на следующий день. Он надеялся, что, если расслабится и немного подождет, на него снизойдет озарение.

Тули обрадовался такому заказу – на счетчик накапает приличная сумма, а еще ему нравилось знакомить гостей со своим городом, он ведь не подозревал, что Джим просто ждет озарения. И город действительно оказался на редкость привлекательным. Ухоженные кирпичные дома девятнадцатого века соседствовали с современными высотными зданиями с застекленными фасадами. Парков с фонтанами было столько, что иногда казалось, будто дорога идет через лес. И повсюду розовые кусты, пусть и не все в цвету, как в начале лета, но в целом картина была очень красочная.

Меньше чем через полчаса Джим внезапно почувствовал, что время на исходе.

Он подался вперед и словно со стороны услышал собственный голос:

– Вы знаете школу Маколбери?

– Конечно, – ответил Тули.

– Что это за школа?

– Вы так спросили, будто и сами знаете. Частная начальная школа на западе города.

У Джима участился пульс.

– Я должен быть там.

Тули посмотрел на него в зеркало заднего вида и нахмурился:

– Что-то случилось?

– Я должен быть там.

Тули притормозил на красный сигнал светофора и глянул через плечо:

– Что случилось?

– Я просто должен быть там, – раздраженно повторил Джим.

– Конечно, плевое дело.

Страх не отпускал Джима с того самого момента, как он четыре часа назад сказал женщине в супермаркете «спасательный круг». Но теперь он вцепился в него мертвой хваткой и подгонял к школе Маколбери.

– Я должен быть там через пятнадцать минут! – повысил голос Джим, хотя не смог бы объяснить, к чему такая спешка.

– Почему раньше-то не предупредили?

Джим хотел сказать «раньше я не знал», но вместо этого требовательно спросил:

– Сможете доехать за пятнадцать минут?

– Придется поднапрячься.

– Плачу тройной счетчик.

– Тройной?

– Если довезете вовремя. – Джим достал из бумажника стодолларовую купюру и резким движением протянул ее Тули: – Возьмите, это аванс.

– Все так серьезно?

– Вопрос жизни и смерти.

Водитель бросил на него взгляд, в котором ясно читалось: «Ты псих?»

– Зеленый, едем! – приказал Джим.

Тули еще больше нахмурился, повернулся к рулю, свернул с перекрестка налево и выжал педаль газа.

Джим всю дорогу нервно поглядывал на часы. Когда они подъехали к школе, в запасе оставалось три минуты. Джим бросил Тули еще одну купюру, заплатив больше чем в три раза, и выбрался из такси с чемоданом в руке.

– Вас подождать? – спросил Тули, наклонившись к открытому окну.

Джим захлопнул дверцу:

– Нет. Нет, спасибо, езжайте.

Такси отъездало, а Джим взволнованно оглядел фасад школы: здание в колониальном стиле с широкой верандой, к которой для расширения классных помещений пристроили два одноэтажных флигеля. На белые стены школы падали тени дугласовых пихт и многолетних платанов. С газоном и игровой площадкой школа занимала весь небольшой квартал.

Джим стоял на дорожке прямо напротив парадного входа. Из двухстворчатых дверей на веранду высыпали дети с планшетами, книжками и ланчбоксами в ярких цветных наклейках. Они сбегали по ступенькам и, смеясь и болтая, проходили мимо Джима, выходили за ворота в остроконечной ограде и расходились – кто вверх, кто вниз по улице.

Прошло две минуты. Джиму не надо было сверяться с часами – его сердце отстукивало два удара в секунду, он чувствовал время так, будто сам превратился в часовой механизм.

Солнечный свет проникал сквозь кроны деревьев и словно огромной золотой паутиной накрывал людей и всю территорию перед школой. Казалось, эта паутина переливается и подрагивает в такт звонкому детскому смеху. Идиллическая картина.

Но смерть приближалась.

Джим вдруг понял, что она придет за ребенком. Не за кем-то из троих учителей, стоящих на веранде, а за одним конкретным ребенком. Это будет не катастрофа. Не взрыв, не пожар, не авиапроисшествие, в результате которого погибнут десятки людей. Будет одна маленькая трагедия. Но кого она выберет?

Джим переключил внимание с декораций на актеров. Он разглядывал лица проходящих мимо детей в надежде, что сумеет увидеть метку неминуемой смерти. Все дети выглядели так, будто никогда не умрут.

– Так кто же? – вслух спросил Джим.

Он обращался не к себе и не к детям, а к... В тот момент он подумал, что, наверное, к Богу.

– Кто?

Некоторые дети шли вверх по улице к переходу на перекрестке, другие спускались вниз, в конец квартала. И в обоих направлениях детей сопровождали женщины в оранжевых жилетах с похожими на лопатки знаками «стоп» в руках. Они собирали детей в маленькие группы и переводили их через дорогу. Ни легковых автомобилей, ни грузовиков на улице не было, так что и без регулировщиц вряд ли кто-то из детей угодил бы под машину.

Полторы минуты.

Джим присмотрелся к двум желтым автобусам, припаркованным у тротуара ниже по улице. Судя по всему, школа Маколбери была районной, и большинство детей приходили и возвращались домой пешком, но некоторые садились в автобусы. Два водителя стояли возле дверей, улыбались и перешучивались со своими юными и очень активными пассажирами. Ни один ребенок не выглядел обреченным, а желтые автобусы не походили на перекрашенные катафалки.

Смерть приближается.

Еще немного, и она появится среди детей.

Джим заметил зловещие перемены в своем восприятии реальности. Паутина света начала слабеть, а тени внутри золотой филигрании приобретали особое значение: мелкие тени листьев или ошестинившейся хвои, более крупные тени стволов и веток деревьев, прямые остроконечные тени прутьев ограды. Каждое черное пятно могло стать дверью, через которую войдет Смерть.

Одна минута.

Джим в несколько шагов нагнал группу детей и пошел рядом, вглядываясь в их лица. Небольшой чемодан постукивал по ноге. Дети удивленно поглядывали на Джима. Он сам не понимал, что высматривает.

Пятьдесят секунд.

Казалось, тени расширяются, вытягиваются, сливаются друг с другом и окружают Джима со всех сторон.

Он остановился, обернулся и посмотрел вверх, в конец квартала. На перекрестке регулировщица со знаком «стоп» свободной рукой подгоняла детей через переход. Пятеро уже были на проезжей части. Еще шестеро детишек приближались к перекрестку и скоро должны были выйти на дорогу.

– Мистер, что-то случилось? – окликнул Джима водитель ближайшего школьного автобуса.

Сорок секунд.

Джим бросил чемодан и побежал к перекрестку. Он все еще не знал, что вот-вот произойдет и кому из детей грозит опасность. Его словно подталкивала невидимая рука – та же, что заставила собрать вещи и вылететь в Портленд. Испуганные дети шарахались в стороны, уступая дорогу странному дяде.

Джим видел только то, что было прямо перед ним: переход от одного тротуара до другого словно выхватил яркий луч прожектора, а все остальное погрузилось в непроглядную тьму.

Полминуты.

Две женщины растерялись и не успели посторониться. Джим попытался увернуться, но все равно задел блондинку в белом летнем платье и чуть не сбил ее с ног. Он не сбавил шага и не оглянулся, потому что чувствовал холодное дыхание смерти.

На перекрестке Джим ступил с тротуара на проезжую часть и остановился. На дороге четверо детей. Один ребенок – потенциальная жертва. Но кто из них? И жертва чего?

Двадцать секунд.

Регулировщица уставилась на Джима.

Все дети, кроме одной малышки, уже подошли к тротуару. Джим чувствовал, что там они будут в безопасности. Проезжая часть – территория смерти.

Джим ринулся к отставшей рыженькой девочке, она повернулась к нему и удивленно заморгала.

Пятнадцать секунд.

Нет, не она, Джим заглянул в ее зеленые глаза и сразу понял, что она в безопасности. Понял, и все.

Тринадцать секунд.

Еще четверо детей вышли на проезжую часть.

Они обходили Джима, с тревогой на него поглядывая. Он знал, что вид у него еще тот: стоит посреди улицы и тарачится на малышкой с искаженным от страха лицом.

Одиннадцать секунд.

На дороге ни одной машины. Но вершина холма примерно в ста ярдах от перекрестка, и какой-нибудь рискованный придурок на противоположном склоне мог прямо в этот момент выжимать педаль газа. Как только картинка промелькнула в голове, Джим сразу понял, что это прощество и орудием Смерти будет пьяный водитель.

Восемь секунд.

Джиму хотелось закричать, чтобы дети быстрее бежали к тротуару, но так он, возможно, спровоцировал бы панику, и ребенок, который был в опасности, испугавшись, побежал бы не в ту сторону.

Семь секунд. Джим услышал приглушенное рычание мотора. Оно тут же перешло в рев, от которого, казалось, могут лопнуть перепонки. На вершине холма возник пикап. Он буквально взлетел на секунду. Солнце засверкало на ветровом стекле и хромированных деталях, словно это была не машина, а огненная колесница, спустившаяся с небес в судный день. Передние колеса с визгом опустились на асфальт, громыхнул кузов.

Пять секунд.

Дети бросились врассыпную. Все, кроме мальчика с пшеничными волосами и фиалковыми глазами. Он просто стоял (шнурок на одной его тенниске развязался), сжимая в руках ланчбокс с яркими наклейками из мультфильмов, и смотрел, как с холма надвигается пикап. Он не мог двинуться с места, будто чувствовал, что это не машина, а сама судьба, от которой не уйти. Это был мальчик лет восьми или девяти, и он был обречен.

Две секунды.

Джим бросился наперерез пикапу будто бы в замедленном, словно во сне, прыжке «ласточкой» со скалы в море. Он подхватил мальчика и, пролетев по низкой дуге, упал на тротуар и перекатился в засыпанную жухлыми листьями сточную канаву. Боли от удара об асфальт он не почувствовал, вероятно, от ужаса и всплеска адреналина. С таким же успехом он мог упасть на мягкий густой газон.

Ничего оглушительнее рева пикапа Джим в жизни не слышал, как будто громыхало у него внутри. Что-то, как тяжелый молот, ударило его по левой ноге, и в ту же секунду жуткая сила скрутила лодыжку, словно тряпку. Обжигающая боль молнией пронзила ногу до бедра и разорвалась в тазобедренном суставе, как бутылочная ракета в ночном небе на Четвертое июля.

Холли смотрела в спину мужчине, который чуть не сбил ее с ног. Она разозлилась и очень хотела сказать ему пару ласковых, но еще до того, как дошла до перехода, на вершине холма появился серо-красный пикап: он летел, словно выпущенный из гигантской пращи. Холли застыла на тротуаре.

Казалось, рев двигателя магическим образом замедляет время – каждая секунда тянулась не меньше минуты. Незнакомец подхватил мальчика и прыгнул – стремительно и грациозно. Холли наблюдала за происходящим, как за безумным уличным балетом в замедленном действии. Бампер пикапа ударил незнакомца в левую ногу. Холли в ужасе смотрела, как кроссовок мужчины, вращаясь, взлетает высоко над дорогой.

Мужчина с мальчиком катились к сточной канаве, пикап вильнул вправо, перепуганная регулировщица выронила знак «стоп», пикап врезался в припаркованную у тротуара машину, мужчина с мальчиком замерли, пикап перевернулся на бок и, высекая из асфальта желто-голубые искры, заскользил вниз по улице. Все это Холли скорее созначала, чем видела, ее внимание было приковано к кроссовку, который все вращался в воздухе. Наконец он завис на фоне синего неба (Холли казалось, что это длилось вечность), а потом, так же медленно вращаясь, начал опускаться к земле. Холли смотрела, как загипнотизированная, не в силах оторвать глаз – ее преследовала жуткая мысль, что в обуви осталась оторванная ступня с торчащими осколками белых костей и обрывками окровавленных сухожилий.

Кроссовок опускался все ниже, казалось, прямо на Холли, она хотела закричать, но крик застрял в горле.

Ниже, ниже...

«Рибок» упал в сточную канаву совсем рядом. Холли опустила глаза и посмотрела на него, как всегда смотрела на монстра в ночных кошмарах – не хотела видеть, но не могла отвернуться, одновременно испытывая отвращение и желание поглядеть. Кроссовок был пустой, оторванной ступни в нем не было. Не было даже крови.

Холли слотнула застрявший в горле крик, почувствовала привкус рвоты и слотнула еще раз.

Пикап остановился, проехав полквартала вниз по улице, и только тогда Холли рванулась к незнакомцу с мальчиком. Она подбежала к ним первой, когда они садились на асфальт у канавы.

У мальчика была царапина на ладони и небольшая ссадина на подбородке, в остальном он не пострадал. Он даже не плакал.

Холли опустилась перед ним на колени:

– Ты в порядке, милый?

Мальчик был в шоке от случившегося, но вопрос понял и кивнул:

– Да. Только рука немножко болит.

Мужчина в белых слаксах и синей футболке, спустив носок на левой ноге, осторожно массировал распухшую, покрасневшую лодыжку. Холли удивилась, что обошлось без крови.

К ним подошли регулировщица, две учительницы и несколько ребятишек. Со всех сторон доносились возбужденные голоса. Мальчику помогли встать и передали на попечение учительницы.

Продолжая массировать ногу, мужчина поднял голову и встретился с Холли взглядом. У него были пронзительно-голубые, холодные, словно фотоэлементы какой-то машины, глаза.

А потом он улыбнулся, и ощущение нечеловеческого холода мгновенно сменилось теплом. Теперь его глаза напоминали ясное утреннее небо. И они были прекрасны. Холли казалось, что она видит в них нежную душу. С кем бы ее ни сталкивала судьба, с монахиней или с боссом мафии, Холли, как настоящий циник, никогда не доверяла первому впечатлению. И поэтому влечение, которое она сразу почувствовала к этому мужчине, выбило ее из колеи. Слова были ее первой любовью и ремеслом, но тут она потеряла дар речи.

– Считай, повезло, – сказал незнакомец.

И Холли не смогла не улыбнуться в ответ.

4

Холли ждала Джима Айронхарта в коридоре у туалета для мальчиков. Все дети и учителя наконец разошлись по домам. В здании было тихо, только со второго этажа доносился гул: техник натирал электрическим полотером виниловую плитку. В коридоре слабо пахло мелом, пластилином и хвойным дезинфицирующим средством.

На улице полицейские наверняка еще присматривали за парочкой рабочих из транспортной компании, которые ставили пикап на колеса, чтобы отбуксировать его на аварийную стоянку. Водитель был пьян. Его увезли в больницу, и врачи к этому моменту уже занимались его сломанной ногой, рваными ранами, ссадинами и ушибами.

У Холли было почти все для статьи: данные о мальчике, Билли Дженкинсе, который едва не погиб под колесами пикапа; описание события; свидетельства очевидцев; комментарий полиции и невнятные извинения пьяного водителя пикапа, успевшего еще и себя пожалеть. Не хватало только одного, зато самого важного, – информации о спасшем ребенка герое, Джиме Айронхарте. Читатели захотят узнать о нем как можно больше, но пока у Холли были только его имя и сведения, что он из южной Калифорнии.

Коричневый чемодан Айронхарта стоял у стены рядом с Холли. Она не сводила с него глаз. Так и подмывало посмотреть, что внутри. Сначала Холли показалось странным ее собственное нездоровое желание. Но потом, будучи профессиональной (или даже прирожденной) журналисткой, которую интересует все, что выбивается из общего ряда, она поняла, в чем загвоздка: мужчина шел с чемоданом по спальному району.

Когда Айронхарт, прихрамывая, вышел из туалета, Холли все еще смотрела на его багаж. Она даже вздрогнула, словно действительно копалась в его вещах.

– Как вы? – спросила Холли.

– Хорошо. Но я ведь уже сказал, что не настроен отвечать на вопросы журналистов.

Джим причесал густые каштановые волосы и стряхнул как мог грязь с белых брюк. Он уже обулся, левый кроссовок был заметно помят и в одном месте разорван.

– Я не займу у вас много времени, – заверила его Холли.

– Не сомневаюсь, – сказал Джим и улыбнулся.

- О, бросьте, чего вам стоит.
- Мне жаль, но поверьте, во мне нет ничего интересного.
- Вы только что спасли ребенка от смерти!
- Да, но в остальном я весьма скучный персонаж.

Что-то заставило Холли усомниться в последнем утверждении, хотя она так и не смогла понять, в чем секрет его магнетизма. Мужчина лет тридцати пяти. Высокий, метр восемьдесят с чем-то. Худой, но мускулистый. Привлекательный, но не слащавый. И да – у него прекрасные глаза, но Холли никогда не западала на мужчин только из-за внешности, и уж тем более из-за определенных черт лица.

- Джим взял свой чемодан и, хромя, пошел по коридору.
- Вам стоит показаться врачу, – поравнявшись с ним, заметила Холли.
  - Ерунда, в худшем случае растяжение.
  - Даже если растяжение, все равно не ерунда.
  - Хорошо, куплю в аэропорту эластичный бинт. Ну или уже дома.

Наверное, притягательность Джима кроется в его манере держаться. Он улыбчив, говорит мягко, как джентльмен с юга, хотя южного акцента у него нет. И еще в том, как он пластично двигается, несмотря на хромоту.

Холли помнила свои ощущения: она как будто смотрела балет. Его плавный прыжок. И то, как он выхватывает мальчика из-под колес пикапа. Да, естественность и умение владеть своим телом всегда привлекают, но тут было что-то другое. И это что-то она не могла себе объяснить.

- Они подошли к главному выходу из школы, и Холли предложила:
- Если вы и правда решили ехать домой, могу подвезти до аэропорта.
  - Спасибо, – ответил Джим. – Вы очень добры, но я, пожалуй, сам доберусь.

Холли вышла за ним на крыльцо.

- Но тут идти бог знает сколько.

Джим остановился и нахмурился:

- Ах да. Ну... Здесь же есть телефон? Вызову такси.

– Да перестаньте, я вас не съем. Я не маньяк-убийца, и цепную пилу в багажнике не вожу, – сказала Холли.

Джим остановился и посмотрел ей в глаза. Его улыбка обезоруживала.

- Как по мне, вам бы больше подошел тяжелый тупой предмет.
- Я, как репортер, предпочитаю выкидные ножи. Но на этой неделе еще никого не прикончила.

- А на прошлой?
- Двоих. Но это были коммивояжеры.
- И все равно это умышленное убийство.
- Но оправданное.
- Хорошо, убедили.

Синяя «тойота» Холли стояла на две машины дальше по улице от той, в которую врезался пьяный водитель пикапа. Ниже по склону пикап как раз вез эвакуатор, а полицейский сидел в патрульную машину. На асфальте сверкали несколько не убранных после столкновения осколков стекла.

С квартал они ехали молча, потом Холли спросила:

- У вас друзья в Портленде?
- Да, еще с колледжа.
- Вы у них останавливались?
- Ага.
- И они не смогли подвезти вас до аэропорта?

– Могли бы на утренний рейс, но днем они работают.

– Ясно.

Они проезжали мимо дома с увитой ярко-желтыми розами изгородью из горизонтальных жердей. Холли обратила на нее внимание и спросила, в курсе ли Джим, что местные жители называют Портленд городом роз.

После очередной долгой паузы она вернулась к тому, что считала по-настоящему важным:

– И у них не работает телефон?

– Простите, что?

– У ваших друзей. – Холли пожала плечами. – Просто странно, почему вы не вызвали такси.

– Захотел прогуляться.

– До аэропорта?

– Тогда нога у меня была в порядке.

– Путь не близкий.

– О, мне не привыкать, я хайкер.

– Путь не близкий, особенно если идешь с чемоданом.

– Он легкий. Во время тренировок я обычно хожу с утяжелителями на руках, укрепляю мышцы.

– Я и сама хайкер. – Холли притормозила на красный. – Раньше бегала по утрам, но потом колено начало болеть.

– Та же история, поэтому переключился на ходьбу. Кардионагрузка та же, – главное, темп не сбивать.

Еще пару миль – Холли ехала медленно, чтобы потянуть время, – они беседовали о фитнесе и диетах. В ходе разговора Холли поймала Джима на словах, позволивших совершенно естественно поинтересоваться, как зовут его портлендских друзей.

– Не скажу, – сказал он.

– Почему?

– Не хочу раскрывать их имена. Они не чиновники и имеют право на частную жизнь. Не надо им кровь портить.

– В таком меня еще никогда не обвиняли.

– Без обид, мисс Торн, но мне бы не хотелось, чтобы их имена полоскали в газетах и на телевидении.

– Многие были бы рады увидеть свои имена в газетах.

– Но многие – не были бы.

– Их друг герой – что тут плохого?

– Простите, но нет, – вежливо сказал Джим.

Холли начала понимать, что ее так притягивает к Айронхарту – его несгибаемость. Проработав два года в Лос-Анджелесе, Холли встречала достаточно мужчин, которые вели себя аля «беззаботный калифорниец». Каждый – сама невозмутимость: «Положись на меня, детка, я тебя спасу, судьба нас не настигнет». На самом же деле ни у кого из них не хватило духу на серьезный поступок, они просто выпендривались. Прикид Брюса Уиллиса, идеальный загар и напускное безразличие не делают тебя Брюсом Уиллисом. Самоуверенность приходит с опытом, истинная невозмутимость либо дается от рождения, либо является умелым притворством, но наблюдательного человека не провести. Очевидно, Джиму Айронхарту было дано столько внутренней силы, что ее можно было бы поровну поделить на всех мужчин Род-Айленда. Он одинаково хладнокровно реагировал как на бешено несущийся пикап с пьяным водителем за рулем, так и на вопросы любопытной журналистки. Одно его присутствие странным образом расслабляло и дарило спокойствие.

– У вас интересное имя, – заметила Холли.

– Джим?

Он явно над ней подтрунивал.

– Айронхарт – железное сердце. Похоже на индейское.

– Я был бы рад похвастаться перед вами, сказав, что в моих жилах течет кровь чиппева или апачей, но, увы, я весьма заурядный объект. Это лишь английский вариант немецкой фамилии Эйзенхерц.

Они выехали на Восточную автостраду и быстро приближались к выезду на Киллингсворт-стрит. Холли очень не хотелось расставаться с Джимом возле терминала – у нее, как у репортера, осталось много вопросов. И, что еще важнее, он заинтересовал ее как мужчина, а такого тысячу лет уже не случалось. Сначала Холли хотела поехать кружным путем – Джим не знал город и мог не заметить ее уловку, – но потом поняла, что ее выдадут указатели, предупреждающие о скором повороте на аэропорт. Но даже если бы Джим не обратил внимания на знаки, белые инверсионные следы в синем небе на востоке трудно было не заметить.

– А чем вы занимаетесь у себя в Калифорнии?

– Наслаждаюсь жизнью.

– Я имела в виду, как вы зарабатываете?

– А вы как думаете?

– Ну... Вы наверняка не библиотекарь.

– Почему вы так решили?

– Есть в вас что-то загадочное.

– А разве библиотекарь не может быть загадочным?

– Пока ни одного такого не встречала. – Холли неохотно ушла на съезд к аэропорту. – Вы похожи на полицейского или кого-то в этом роде.

– С чего вы так решили?

– Настоящие копы крутые и никогда не теряют самообладания.

– Вот те на! А я-то всегда считал себя мягким, открытым и общительным. Вы правда думаете, что я крутой парень?

Поток машин ближе к аэропорту стал плотнее, и Холли с радостью сбавила скорость.

– Я хотела сказать, что у вас отличная выдержка.

– Вы давно в журналистике?

– Двенадцать лет.

– И все это время в Портленде?

– Нет, здесь я только год.

– А раньше где работали?

– В Чикаго... в Лос-Анджелесе... в Сиэтле.

– Нравится журналистика?

Холли поняла, что Джим перехватил инициативу.

– Постойте, мы ведь не в «Двадцать вопросов» играем.

– Правда? – Джим как будто искренне удивился. – А я думал, именно этим мы и занимаемся.

Холли, обессиленная, стояла перед стеной, которую выстроил вокруг себя Джим, и ее безумно раздражало его упрямое нежелание идти на контакт. Она к такому не привыкла. Но при этом она понимала, что Джим закрывается не со зла, он вообще не умеет и не любит хитрить, просто, хоть убей, не подпустит к себе чужого человека. Будучи профессионалом, Холли всегда – и чем дальше, тем больше – сомневалась в праве журналиста вторгаться в чужое личное пространство и поэтому уважала реакцию Джима.

– А вы молодец, – усмехнулась Холли, мельком глянув на собеседника.

– Вы тоже хороши.

Холли остановилась напротив терминала.

– Нет, будь я так же хороша, я бы уже знала, кем вы работаете.

Джим улыбнулся. Улыбка его была неотразима, а глаза... Эти глаза...

– Я не сказал, что вы так же хороши. Просто сказал: вы хороши.

Джим вышел из машины, взял свой чемодан с заднего сиденья и повернулся к открытой передней двери.

– Послушайте, я оказался в нужное время в нужном месте и по чистой случайности спас того мальчика. Будет несправедливо, если медиа перевернут мою жизнь вверх дном только потому, что я совершил хороший поступок.

– Да, это будет несправедливо, – согласилась Холли.

– Спасибо, – с заметным облегчением в голосе поблагодарил Джим.

– И должна сказать, ваша скромность для меня, как глоток свежего воздуха.

Джим посмотрел на Холли своими невероятно голубыми глазами.

– Вы для меня тоже, мисс Торн.

А потом он закрыл дверь и пошел к терминалу.

У Холли в голове крутились две последние фразы:

«Ваша скромность для меня, как глоток свежего воздуха».

«Вы для меня тоже, мисс Торн».

Она смотрела на двери терминала, за которыми скрылся Джим, и думала, что он слишком хорош, таких не бывает. Как будто она только что подвезла блуждающего духа. В послеполуденном воздухе ступила золотистая дымка, и солнечный свет замерцал в ней, напоминая спецэффекты в старых фильмах после исчезновения призрака.

Резкий громкий звук заставил ее повернуться – представитель службы безопасности аэропорта барабанил костяшками пальцев по капоту ее «тойоты». Когда ему наконец удалось привлечь внимание Холли, он указал на знак: «Зона погрузки».

Холли сама не понимала, сколько сидит вот так и думает о Джиме Айронхарте. Она отпустила ручной тормоз, завела двигатель и поехала прочь от терминала.

«Ваша скромность для меня, как глоток свежего воздуха».

«Вы для меня тоже, мисс Торн».

Всю дорогу назад в Портленд Холли не покидало ощущение, что в ее жизнь вошло что-то сверхъестественное. Она не ожидала, что встреча с мужчиной может так на нее подействовать. Это ее тревожило, она чувствовала себя маленькой глупой девочкой. И в то же время ей нравилось это чувство, и она не хотела, чтобы оно улетучилось.

«Вы для меня тоже, мисс Торн».

5

Холли жила на третьем этаже в квартире с видом на парк «Каунсл-Крест». Она готовила на ужин пасту «волосы ангела» с соусом песто, кедровыми орехами, молодым чесноком и помидорами, когда ее вдруг осенило: как Джим Айронхарт узнал, что маленькому Билли Дженкинсу грозит опасность, еще до того, как пикап с пьяным водителем появился на вершине холма?

Холли замерла с ножом в руке и посмотрела в окно: на зеленый парк опускались лиловые сумерки. На аллеях между деревьями расплывались янтарные круги фонарей.

Айронхарт едва не сбил ее с ног возле школы Маколбери, и Холли ринулась следом, чтобы высказать все, что о нем думает. Но когда она добежала до перекрестка, он уже выскочил на проезжую часть, смотрел вправо-влево и явно был встревожен. Действительно странно. Дети с опаской обходили его стороной. Холли заметила, что он вроде как в панике. А потом через пару секунд на вершину холма, словно дьявольская колесница, выскочил тот пикап. И

только после этого Джим Айронхарт сосредоточил внимание на Билли Дженкинсе и буквально выхватил его из-под колес.

Возможно, он уловил рев мотора и понял, что к перекрестку на безумной скорости несется машина, а дальше действовал инстинктивно. Холли постаралась вспомнить, слышала ли она двигатель в момент, когда на нее наткнулся Джим, но не смогла. Может, и слышала, но в тот момент она всеми силами пыталась избавиться от неутомимой Луизы Тарвол, которая задалась целью проводить ее до машины. Холли тогда казалось, еще минута с болтливой поэтессой, и она сойдет с ума. Ей просто хотелось скорее с ней расстаться.

Теперь в своей кухне Холли чутко прислушивалась только к одному звуку: бульканью воды в кастрюле. Надо было уменьшить газ, засыпать пасту и установить таймер... Но Холли не стала этого делать, она, замерев с ножом в руке, смотрела на парк, а вместо парка видела перекресток возле школы Маколбери.

Пусть Айронхарт за полквартала услышал приближающийся автомобиль, но как он в считанные секунды определил направление его движения, состояние водителя и то, что малыши в беде? Регулировщица изначально была ближе к источнику опасности, но ситуация застигла ее врасплох, как, впрочем, и детей на переходе.

Ладно, допустим, некоторые люди обладают повышенной остротой восприятия. Так композиторы различают больше звуков, чем среднестатистический посетитель консерватории, бейсболист видит высокий мяч даже против солнца раньше зрителя, а настоящий винодел распробует оттенки вкуса, которые не почувствует тот, кому просто хочется выпить. У одних людей реакция лучше, чем у других, поэтому Уэйн Гретцки и стоил миллионы. Холли могла засвидетельствовать: Айронхарт обладал молниеносной реакцией. И бог явно наделил его тонким слухом. Большинство людей с физическими преимуществами имеют их не одно, а несколько. Тут все дело в наследственности. Вот оно, объяснение. Ничего необычного. Ничего загадочного. И уж точно ничего сверхъестественного. Просто хорошие гены.

Тени в парке сгущались. Все, кроме кругов от фонарей на аллеях, погрузилось во мрак. Деревья словно сомкнули ряды.

Холли положила нож на стол и подошла к плите. Убавила газ под кастрюлей, и вода сразу перестала булькать. Лиловые сумерки сменила темнота, на небе появились звезды, а красная полоска на горизонте побагровела.

Холли вдруг стало не по себе. Она живо представила, как Джим Айронхарт выходит из мрака в свет фонаря, поднимает голову и смотрит прямо на нее, как будто знает, где она живет и где окно ее кухни. Глупо, конечно, но у нее холодок пробежал по спине.

Позже, ближе к полуночи, когда Холли села на край кровати, выключила ночник и посмотрела в окно, которое тоже выходило на парк, у нее снова пробежал холодок по спине. Она уже собиралась лечь, но передумала и, как была в трусиках и футболке, подошла к окну и слегка раздвинула тюль за шторами.

Его там не было. Холли подождала минуту, потом другую. Почувствовав себя глупо, она вернулась в постель.

Она проснулась среди ночи. Ее всю трясло. Из сна она помнила только взгляд Джима, его голубые глаза, которые, казалось, пронзали ее, словно острый нож мягкое масло.

Холли встала и при тусклом свете луны, который просачивался сквозь тюль, прошла в ванную комнату. Там свет тоже включать не стала. Сходила в туалет, помыла руки и посмотрела на свое смутное отражение в серебристо-черном зеркале. Выпила воды из-под крана и тут поняла, что не торопится вернуться в спальню, потому что боится, что ее снова потянет к окну.

«Глупости, – сказала себе Холли. – Что на тебя нашло?»

Она вернулась в комнату и поймала себя на том, что идет к окну. Раздвинула тюль.

Его там не было.

Холли одновременно испытала разочарование и облегчение. Она смотрела на погруженные в темноту аллеи парка, и мурашки снова бежали у нее по спине. Холли поняла, что дрожит не только перед неопределенным страхом, но и от предчувствия чего-то приятного.

Вот только чего?

Ответа она не знала.

Джим произвел на Холли глубокое впечатление, она никогда ничего подобного не испытывала и, как ни пыталась разобраться в своих чувствах, не могла найти им определение. Простое сексуальное влечение не подходило. Холли давно вышла из подросткового возраста, и ни гормональные бури, ни девичьи мечты о любовном романе так на нее не действовали.

Наконец Холли вернулась в постель, она была уверена, что пролежит остаток ночи без сна, но, как ни странно, очень быстро уснула. Уже на границе сна она услышала собственный голос:

– Эти глаза...

В своем доме в Лагуна-Нигель Джим проснулся еще до рассвета. У него бешено колотилось сердце, и, несмотря на то что в комнате было прохладно, он обливался потом. Ему снова приснился один из тех кошмаров, которых он не мог описать, – помнил только, что во сне его неотступно преследовала некая злобная сила.

Ощущение надвигающейся смерти было настолько мощным, что Джим даже включил свет, чтобы удостовериться, что в комнату не прокралось нечто ужасное. В спальне, кроме него, никого не было.

– Но это ненадолго, – сказал Джим вслух и задумался над значением собственных слов.

20–22 августа

1

Джим Айронхарт напряженно вглядывался в грязное ветровое стекло угнанного «камара». Солнце белым шаром висело в небе, и свет его тоже был белым и едким, как порошковая известь, – от него не спасали даже темные очки. Горячий воздух, поднимаясь от раскаленного асфальта, превращался в миражи людей, машин и озер.

Джим устал, глаза словно высохли, из-за марева и завихрений песка он с трудом различал дорогу. На бесконечных просторах пустыни Мохаве терялось ощущение скорости. Джиму не верилось, что спидометр показывает сто миль в час, а так гнать в его состоянии было небезопасно.

Джима преследовало чувство, что он опаздывает и вот-вот провалит миссию. Кто-то умрет, потому что он не придет вовремя.

Он глянул на прислоненный к пассажирскому сиденью дробовик. Приклад стоял на полу, а стволы были направлены в противоположную от Джима сторону. На сиденье лежала полная коробка патронов.

Джима мутило от тревоги, он глубже вдавил педаль газа. Стрелка спидометра, подрагивая, переползала за сто миль.

После долгого плавного подъема Джим въехал на вершину холма, с которого открывался вид на круглую, словно чаша, долину миль двадцать-тридцать в диаметре. Солончаковая земля была почти белой и голой, если не считать несколько серых перекасти-поле и сухого, как щетина, кустарника. Долину мог образовать упавший миллионы лет назад астероид, ее края сгладились с течением времени, но в остальном она сохранила идеальную форму.

Долину разделяла пополам черная полоса автострады. На раскаленном асфальте блестели миражи озер, а вдоль обочин мерцали и медленно изгибались фантомы из горячего воздуха.

Сначала Джим увидел универсал «шевроле». Он стоял у правой обочины примерно в миле впереди рядом с дренажной трубой, которая наполнялась водой только во время редких ливней.

У Джима заколотилось сердце, из решеток вентиляции на приборной доске веяло прохладой, но его бросило в пот.

Вот оно, это место.

А потом в полумиле от универсала из марева выплыл жилой автофургон, он медленно ехал к противоположной стороне долины – туда, где автострада плавно поднималась между голых красных гор.

Джим сбавил скорость: он не был уверен, где именно нужна его помощь, и пытался следить одновременно и за универсалом, и за домом на колесах.

Стрелка спидометра поползла влево. Джим ждал подсказки, но она все не приходила. Обычно он действовал, подчиняясь внутреннему голосу, который обращался к нему на уровне подсознания. Или работал, как запрограммированная машина. В этот раз ничего такого не было.

Чувствуя нарастающее отчаяние, Джим резко остановился в хвосте «шевроле», даже не съехав на обочину. Глянул на дробовик, но брать его не стал. Он знал, что оружие ему не понадобится. Пока.

Джим вышел из «камаро» и быстро подошел к универсалу. Багажное отделение было завалено вещами. Заглянув в боковое окно, Джим увидел распластавшегося на переднем сиденье мужчину, открыл дверь и содрогнулся от количества крови.

Мужчина умирал, но был еще в сознании. Ему дважды выстрелили в грудь. Его голова склонилась к пассажирской двери, словно голова Христа на кресте. Взгляд мужчины прояснился, он постарался сосредоточиться на Джиме.

– Лиза... Сузи... – слабым срывающимся голосом сказал он. – Мои жена и дочь...

Потом взгляд его снова затуманился, из груди с тонким свистом вырвался последний выдох, голова упала набок. Он умер.

Джим отступил от открытой двери универсала. Ему было дурно, он стоял под палящим солнцем, едва держась на ногах от придавившего его чувства вины за чужую смерть. Поднажми он еще чуть-чуть, и приехал бы на несколько минут раньше и, возможно, смог бы предотвратить то, что здесь случилось.

Джим глухо застонал, но, когда отвернулся от мертвеца и посмотрел вслед уменьшающемуся жилому автофургону, стон сменился криком ярости.

Он понял, что случилось, и знал, что должен делать.

Вернувшись в «камаро», Джим зарядил короткоствольный помповый дробовик двенадцатого калибра и поставил его поближе. Но перед этим набил патронами карманы синих брюк.

Посмотрел в зеркало заднего вида: автострада в понедельник утром была пустынна. Помощи ждать неоткуда, надо полагаться лишь на собственные силы.

Далеко впереди жилой фургон постепенно исчезал за сверкающими, словно занавески из стекла, потоками горячего воздуха.

Джим выжал сцепление – колеса с жутким визгом, который эхом прокатился по всей пустыне, забуксовали на расплавленном асфальте. Джим попытался представить, как кричали мужчина и его семья, когда тому дважды в упор выстрелили в грудь. «Камаро» резко оторвался от асфальта и ринулся вперед.

Джим вдавливал в пол педаль акселератора и, шурясь от солнца, высматривал на автостраде свою цель. Спустя несколько секунд занавес горячего воздуха раздвинулся, и Джим

увидел огромный фургон, который двигался, как тяжелое парусное судно, рассекающее волны зноя.

Мотор автодома не мог соревноваться с мотором «камаро», и Джим очень быстро его нагнал. Это был потрепанный тридцатифутовый «роадкинг» – белые алюминиевые борта заляпаны грязью, все помятые и ржавые. На окнах висели желтые занавески (когда-то они наверняка были белыми). С виду обычный дом на колесах пожилых путешественников, которые жили на пенсию и уже не могли поддерживать его в достойном состоянии.

В эту теорию не вписывался только мотоцикл. Слева от лестницы, которая вела на крышу, к багажнику из стальных прутьев был привязан цепями «харлей». Не самый большой, но мощный, пенсионеры обычно на таких не разъезжают.

За исключением мотоцикла, внешне «роадкинг» не вызывал никаких подозрений, но Джим Айронхарт чувствовал исходящее от него зло, оно накатывало на него, словно черные волны прибою. Он задышался, будто мог почуять смрад тех, кому принадлежал автодом.

Сначала он колебался, опасаясь своими действиями поставить под угрозу жизнь женщины и ребенка, которых наверняка удерживают в «роадкинге». Но медлить было еще опаснее. Джим понимал: чем дольше мать и дочь в руках похитителей, тем меньше шансов вытащить их живыми.

Джим вырулил на переходно-скоростную полосу, собираясь уйти на две мили вперед, а потом перегородить своим «камаро» дорогу.

Водитель «роадкинга», очевидно, заметил в зеркало заднего вида, как Джим притормаживал возле универсала и проверял, что там и как. Теперь он позволил «камаро» поравняться с автодомом, а потом резко вильнул влево – заскрежетал металл. «Камаро» содрогнулся от удара, и Джим едва удержал руль в руках.

«Роадкинг» сдвинулся вправо и снова обрушился на машину Джима, вытесняя его на неасфальтированную обочину. Так они проехали еще несколько сотен ярдов: автодом, рискуя столкнуться со случайно вынырнувшей из знойного марева машиной, выезжал на встречную полосу, а «камаро», взметая клубы пыли, гнал по обочине автострады, которая лежала на два фунта выше уровня пустыни.

Джим понимал: даже легкое нажатие на тормоз выбросит его с дороги, и поэтому просто понемногу сбавлял газ.

Водитель «роадкинга» заметил его маневр и тоже сбросил скорость. Он ехал вровень с Джимом и дюйм за дюймом выдавливал его с дороги.

Легкий «камаро» не мог долго противостоять махине автодома и, несмотря на все усилия Джима, сползал влево. С автострады сорвалось переднее колесо. Джим нажал на тормоз, но поздно. Заднее колесо тоже сорвалось в пустоту. «Камаро» накренился и завалился на левый бок.

С Джима слетели черные очки, его бросило вперед и вбок, но благодаря спасительной привычке пристегиваться он не ударился головой об оконный косяк и грудью о руль. Лобовое стекло покрылось паутиной трещин. Джим зажмурился, и на него густо посыпались осколки закаленного стекла. «Камаро» перевернулся во второй раз, пошел на новый поворот и остался лежать колесами кверху.

Джим висел на ремне. Он не пострадал, но его изрядно потрянуло, он закашлялся от белой пыли, которая набилась в салон сквозь разбитое ветровое стекло.

Они за мной вернутся.

Джим лихорадочно нащупал замок ремня безопасности, отстегнулся и повалился на потолок машины. Оказалось, он лежит прямо на дробовике. Ему еще повезло, что дробовик не разрядился, пока кувыркался «камаро».

Они идут за мной.

На то, чтобы сориентироваться, ушла пара секунд. Дверная ручка оказалась над головой. Джим протянул к ней руку и нажал на кнопку. Дверь сразу не подалась, но потом все-таки щелкнула замком и, скрипнув, распахнулась.

Джим переполз с потолка «камаро» на землю. Казалось, он попал в сюрреалистический мир Дали с его измененными перспективами. Джим достал из машины дробовик.

Пыль уже оседала, но Джим все равно чуть не закашлялся. Пришлось стиснуть зубы и сглатывать каждый позыв к кашлю. Двигаться надо было бесшумно – иначе не выжить.

Позавидовав проворству мелких ящериц, которые разбегаются из-под ног, а заодно и их неприметности, Джим пригнулся и побежал к руслу пересохшего ручья. Оказалось, глубина этого естественного дренажного канала всего фута четыре. Джим с глухим стуком спрыгнул вниз, на твердое дно. Он присел на корточки и, приподняв голову над землей, посмотрел в сторону перевернутого «камаро», вокруг которого еще не рассеялся туман солончаковой пыли.

«Рoadкинг» развернулся на автостраде и встал параллельно «камаро».

Открылась дверь, на дорогу спустился мужчина. Второй вылез с другой стороны и, оббежав автодом спереди, присоединился к поделнику. Эта парочка вовсе не походила на милых пенсионеров, которых можно было легко представить за рулем такого допотопного фургона. Обоим было лет по тридцать, оба загорелые и крепкие, как камни в пустыне. У одного темные волосы были стянуты в петлю, эта прическа давно вышла из моды, и теперь дети называли ее «балдой». У второго был короткий «ежик» с выбритыми висками, как будто он воображал себя персонажем старого «Безумного Макса». Оба в футболках с оторванными рукавами, в джинсах и ковбойских сапогах. И оба с пистолетами. Они осторожно спустились с автострады и разделились, чтобы подойти к «камаро» с двух сторон.

Джим присел еще ниже и быстро пополз на карачках направо, то есть, как он полагал, на запад. На ходу оглянулся, чтобы проверить, не оставляет ли следов, но дождей не было уже несколько месяцев, немилосердное солнце иссушило наносы ила до состояния камня. Футов через пятьдесят русло резко свернуло влево, то есть на юг, а еще через шестьдесят ушло в проложенную под автострадой дренажную трубу.

К Джиму вернулась надежда, хотя дрожь, которая преследовала его с того момента, как он нашел в универсале умирающего мужчину, все не отпускала. Накатил приступ рвоты, но в тот день Джим не завтракал, так что блевать было нечем. Что бы там ни говорили диетологи, иногда полезно отказаться от завтрака.

В бетонной трубе было темно и относительно прохладно. Хотелось спрятаться и выждать, пока преследователи не откажутся от поисков, но Джим, естественно, не мог пойти на это. Он не был трусом, но, даже если бы в этот раз совесть позволила ему дать слабину, таинственная сила не позволила бы сбежать. В какой-то степени он был марионеткой в руках невидимого кукольника, только не мог понять сюжет пьесы, в которой ему приходилось играть.

Несколько перекаати-поле умудрились закатиться в трубу, и Джим изрядно ободрался, перебираясь через них. Вылезая из трубы на противоположной стороне автострады, Джим выкарабкался из пересохшего ручья, а оттуда дополз до насыпи.

Лежа на животе, посмотрел на восток в сторону дома на колесах. За «роадкингом», как мертвый таракан, лежал перевернутый «камаро», рядом с ним стояли два бандита. Очевидно, они только что осмотрели машину и убедились, что там никого нет.

Они о чем-то оживленно разговаривали, но Джим не мог расслышать слов.

Пот струился по лбу и щипал глаза. Джим вытер рукавом лицо и снова, сощурившись, посмотрел на отморозков. Теперь они медленно шли по пустыне – один озирался по сторонам, а второй уставился под ноги, явно высматривая следы будущей жертвы. Джиму повезло: если бы хоть одного из них воспитывали индейцы, они поймали бы его быстрее, чем игуана песчаного жука.

С запада послышалось нарастающее урчание мотора. Джим повернулся на звук, и вскоре из напоминающего водопад марева появился гигантский «петербилт». Джим смотрел снизу вверх: с этой точки тягач больше походил на заброшенную из двадцать второго века в наши дни футуристическую боевую машину.

Водитель «петербилта» должен был заметить перевернутый «камаро». Закону взаимовыручки следуют большинство дальнобойщиков. Джим рассчитывал, что грузовик остановится, отвлечет внимание убийц и он застанет их врасплох.

Да, план был отличный, да только все пошло не так. «Петербилт» не сбавил скорости, и Джим поймал себя на порыве выскочить на трассу, чтобы его остановить, но он даже приставать не успел. «Петербилт» в потоках горячего воздуха с ревом пронесся мимо. Причем на предельной скорости, словно не грузовик, а груженная грешными душами повозка, которую демон жаждет сию же секунду доставить напрямик в ад.

Джим едва сдержался, чтобы не закричать ему вслед: «Засранец, а как же ваша хваленая взаимовыручка?!»

Над раскаленной трассой снова повисла тишина.

Убийцы посмотрели вслед грузовику и продолжили поиски.

Задыхаясь от злости и страха, Джим соскользнул с насыпи. Волоча за собой дробовик, он по-пластунски пополз на восток, к дому на колесах. Между ним и бандитами проходила приподнятая над пустыней автострада, так что они не могли его заметить. С другой стороны, им ничто не мешало вернуться, перебежать через трассу и всадить в него полдесятка пуль.

Когда Джим снова рискнул приподняться и выглянуть из-за дороги, оказалось, что он как раз напротив припаркованного у обочины «роадкинга». Отсюда он не видел убийц, но и они не могли его заметить. Джим встал на ноги и подошел к фургону с пассажирской стороны.

Дверь располагалась не напротив водительской, а на одной трети расстояния от переднего бампера до заднего и была приоткрыта.

Джим взялся за ручку, но вовремя спохватился: в фургоне с женщиной и девочкой мог остаться третий бандит. Чтобы не попасть под перекрестный огонь, сначала надо покончить с двумя первыми.

Джим прошел к кабине и тут услышал голоса – похитители возвращались. Джим замер, ожидая, когда из-за угла появится парень с дурацкой прической, но бандиты остановились с противоположной стороны кабины.

– Да насрать на него...

– Но он мог запомнить номер!

– Вряд ли он долго протянет.

– Крови в машине не было.

Джим опустил на одно колено рядом с колесом и заглянул под кабину. Бандиты стояли возле водительской двери.

– Двинем на юг, и все будет нормально.

– С копами на хвосте...

– Пока он доберется до копов, мы уже будем в Аризоне.

– Мечтать не вредно.

– Поверь на слово.

Джим поднялся и начал обходить кабину, проскользнул мимо первой пары фар и моторного отсека.

– Через Аризону в Нью-Мексико...

– А там что, копов нет?

– Дальше в Техас, оторвемся на несколько штатов. Всю ночь будем гнать...

Джиму повезло, что обочина была засыпана песком, а не щебенкой. Он пригнулся и бесшумно подошел к фарам со стороны водителя.

– Ты же знаешь, копы из разных штатов хреново вместе работают.

– Черт, он где-то там бродит...

– А еще там до хрена скорпионов и гремучих змей.

Джим вышел из-за угла и навел на бандитов дробовик:

– Ни с места!

Секунду они смотрели на него с разинутыми ртами, как будто увидели трехглазого марсианина со ртом на лбу. Между ними было всего футов восемь, можно при желании доплюнуть, чего эти мерзавцы явно заслуживали. Они и издали казались опасными, словно двуногие змеи, но сейчас были страшнее любой ползающей по пустыне ядовитой твари.

Бандиты стояли, опустив пистолеты.

Джим ткнул в их сторону дробовиком:

– Бросай оружие, живо!

То ли головорезы действительно были тертыми калачами, то ли просто психами – возможно, все сразу, – но они не замерли, увидев направленный на них дробовик. Парень с «балдой» бросился на землю и покатился, а сбежавший из «Безумного Макса» поднял пистолет. Джим практически в упор выстрелил ему в грудь, бандит отлетел назад, повалился на спину и отдал черту душу.

Его подельник проворно заполз под фургон, Джим только ступню успел увидеть.

Чтобы не получить пулю в лодыжку, Джим схватился за ручку открытой двери фургона и запрыгнул на ступеньку рядом с водительским местом. В тот миг, когда его левая нога отрывалась от земли, грохнули два выстрела, и пуля пробила колесо, рядом с которым он стоял всего секунду назад.

Джим не стал укрываться в кабине, вместо этого в надежде застать противника врасплах он спрыгнул на землю, лег и направил дробовик под фургон. Но бандит уже выскочил с противоположной стороны, Джим увидел лишь черные ковбойские сапоги: парень бежал в конец автодома.

Лестница на задней стенке фургона! Рядом с привязанным к решетке мотоциклом.

Этот гад полез на крышу.

Джим быстро протиснулся под «роадкинг», пока убийца не засек его сверху и не пристрелил. Под фургоном было так же душно, как и вокруг, – земля копила тепло с самого рассвета и теперь отдавала его.

Мимо одна за другой проехали две машины. Джим не слышал их приближения, возможно, потому, что сердце у него билось, как турецкий барабан. Он тихо проклял водителей, просвистевших мимо, но потом понял, что вряд ли кто-то остановится, увидев на крыше автодома огъявленного головореза с пистолетом в руке.

Надяться можно было только на эффект неожиданности, поэтому Джим быстро, как морпех под огнем, прополз в хвост «роадкинга», перевернулся на спину и, выглянув из-под заднего бампера, посмотрел на сверкающие на солнце ступеньки лестницы.

Убийца стоял на крыше. Возможно, он думал, что своим исчезновением сбил противника с толку. В любом случае он вряд ли ожидал, что тот по-прежнему преследует его как одержимый.

Джим выскользнул из-под фургона, подошел к лестнице и начал медленно подниматься. Одной рукой он хватался за горячую боковую скобу, в другой держал дробовик. Враг вел себя на удивление тихо, так что случайный скрип уставшего металла мог в любую секунду выдать Джима.

Добравшись до верхней ступеньки, Джим осторожно выглянул из-за фургона и, сощурившись, посмотрел на крышу. Убийца стоял на карачках в одной трети пути до кабины и смотрел вниз с правого борта. Белая крыша хоть и отражала солнечные лучи, все равно накопила достаточно жара, чтобы обжигать сколь угодно мозолистые ладони и жалить колени сквозь плотные

джинсы. Но если бандиту и было больно, он этого ничем не выдавал – очевидно, был таким же мачо-суицидником, как и его мертвый приятель.

Джим поднялся еще на одну ступеньку.

Убийца распластался на крыше – наверняка в ту же секунду металл обжег ему живот через тонкую футболку. Он лежал и ждал, когда внизу появится преследователь.

Джим поднялся выше. Теперь крыша была на уровне пояса. Джим повернулся боком и втиснул колено между стеной и скобой лестницы: у него освободились обе руки и он не упадет после отдачи от выстрела.

Если у парня на крыше и не было шестого чувства, значит ему просто чертовски повезло. Джим двигался беззвучно, но этот мерзавец вдруг бросил взгляд через плечо.

Джим выругался и поднял дробовик.

Убийца бросился в сторону и скатился с фургона.

Так и не выстрелив, Джим высвободил колено и спрыгнул с лестницы. Приземлился он жестко, но смог устоять на ногах, затем шагнул за угол автодома и выстрелил. Убийца уже нырнул в боковую дверь, в худшем случае словив несколько дробинок в ногу, а может, и без этого обошлось.

Он пошел за женщиной с ребенком.

Теперь у него есть заложники.

А может, просто хотел убить их раньше, чем покончат с ним. В последние лет двадцать в стране явно прибавилось социопатов, которые разъезжали по штатам в поисках легкой добычи и от жестоких убийств получали такое же сексуальное удовлетворение, как и от насилия.

У Джима в голове снова прозвучали последние слова умиравшего в универсале мужчины: «Лиза... Сузи... Мои жена и дочь...»

Времени на раздумья не было, злость пересилила страх, и Джим бросился за убийцей в фургон. После ослепительного солнца в полумраке автодома было трудно сориентироваться, но Джим все-таки разглядел мерзавца, бежавшего через зону отдыха в сторону кухни.

Сукин сын развернулся, вместо лица у него будто был черный овал. Он выстрелил – пуля угодила в настенный шкаф слева от Джима.

Джим не знал, где женщина с ребенком, и не рискнул стрелять в ответ – дробовик не лучшее оружие для прицельной стрельбы.

Бандит выстрелил снова. На этот раз Джиму обожгло пулей правую щеку.

Он тоже выстрелил, и тонкие стены фургона содрогнулись от грохота. Убийца вскрикнул и отлетел к раковине. Джим инстинктивно пальнул снова и чуть не оглох от грохота. Головореза буквально подбросило в воздух, он впечатался в стену рядом с закрытой дверью спальни и съехал на пол.

Джим достал из кармана пару патронов и, на ходу перезаряжая дробовик, прошел мимо ободранного продавленного дивана вглубь «роадкинга».

Джим не мог разглядеть убийцу, чтобы убедиться в его смерти. Солнце Мохаве било в ветровое стекло и открытые двери, как раскаленное добела тавро, но из-за плотно задернутых на боковых окнах занавесок задняя часть фургона оставалась в тени, да еще в воздухе плавал дым от выстрелов.

Джим прошел в конец узкой комнаты и посмотрел себе под ноги: тип на полу был мертв. Окровавленное человеческое отребье. Был живым отбросом, сталдохлым.

Глядя на труп, Джим чувствовал не просто радостное возбуждение, а дикий восторг – справедливость восторжествовала. Эти ощущения вызывали душевный трепет и в то же время пугали. Джиму хотелось бы испытывать отторжение, пусть даже головорез заслуживал такой участи, но, несмотря на отвращение к убийству, угрызений совести он не испытывал.

Джим столкнулся с чистым злом в человеческом облики. Того, что он с ними сделал, было недостаточно: они должны были умирать долго, в нечеловеческих муках и непреходящем

ужасе. Джим чувствовал себя ангелом мщения, выполнившим свою миссию. Он понимал, что сам балансирует на грани безумия. Только психически нездоровые люди, совершив ужасные поступки, искренне уверены в своей правоте, а он ни секунды не сомневался в том, что сделал доброе дело. В нем вскипала злость, будто он был аватаром Бога и служил проводником его гнева.

Джим повернулся к запертой двери.

За ней были женщина с девочкой.

Лиза... Сузи...

Но кто еще?

Убийцы-социопаты обычно действуют в одиночку, иногда парами, как эти двое. Более многочисленные союзы социопатов – большая редкость. Например, Чарльз Мэнсон и его «семья». История знает и другие случаи. Но в мире, где самые популярные профессора философии утверждают, что этика всегда ситуативна и мнение каждого верно и имеет свою ценность вне зависимости от логики и коэффициента ненависти, надо учитывать все варианты. Этот мир плодит монстров. Монстр, с которым столкнулся Джим, мог оказаться многоголовой гидрой.

Умом Джим понимал, что следует соблюдать осторожность, но праведный гнев опьянял и дарил чувство неуязвимости. Джим выбил дверь ногой и боком, чтобы не получить пулю в живот, вошел в комнату. Он был готов убивать и проститься с жизнью.

Мать и дочь были одни. Они лежали на вонючей кровати со связанными стреппинг-лентой руками и ногами и заклеенными ртами.

Женщина, Лиза, стройная, невероятно привлекательная блондинка лет тридцати. А ее дочь, Сузи, еще прекраснее. Девочка десяти лет, небесной красоты, с васильковыми глазами, тонкими чертами лица и безупречно нежной, как яичная мембрана, кожей. Воплощение невинности и чистоты – ангел, брошенный в клоаку.

Когда Джим увидел эту девочку связанной, с залепленным ртом в грязной, вонючей комнате, гнев и ярость забурлили в нем с новой силой.

По лицу девочки текли слезы, она сдавленно рыдала от ужаса, лента на губах не давала нормально дышать. Мать не плакала, но в ее глазах застыли боль и страх. Только ответственность за дочь и ярость, схожая с той, какую испытывал Джим, удерживали ее от истерики.

Джим понял, что они его боятся – для них он был одним из похитителей.

Он поставил дробовик возле откидного столика и сказал:

– Все в порядке. Все закончилось. Я их убил. Убил обоих.

Женщина смотрела на него округлившимися глазами, она ему не верила. И ее можно было понять – Джим говорил странным голосом, он запинаясь через каждые три слова, переходил на шепот, срывался на крик и снова переходил на шепот.

Джим огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь острого, чтобы перерезать стреппинг-ленту. На столе лежали ножницы и катушка скотча.

Схватив ножницы, Джим заметил на столе стопку видеокассет с маркировкой «только для взрослых» и вдруг осознал, что стены и потолок маленькой комнаты обклеены вырванными из порножурналов фотографиями. И еще... Это было детское порно. На снимках были мужчины с замазанными лицами, но женщин не было. Только мальчики и девочки, большинство ровесники Сузи, многие младше. Их всех использовали самыми извращенными способами, какие только можно представить.

Тех, кого убил Джим, мать Сузи не интересовала. Они бы ее жестоко изнасиловали в назидание дочери, а потом перерезали ей горло или вышибли из пистолета мозги и выбросили в пустыне на съедение стервятникам, ящерицам и муравьям. Девочка, вот кто был им нужен, они собирались превратить ее жизнь в ад, и это длилось бы несколько месяцев, а может, и лет.

Ярость и гнев Джима переросли в нечто большее, у него в душе разливалась жуткая чернота – точно нефть, готовая вырваться из скважины.

Девочка видела эти фотографии, ее уложили на кровать с вонючими простынями в комнате, воздух в которой был пропитан пороком и бесстыдством. Джима охватило безумное желание всадить еще по несколько зарядов в трупы этих подонков.

Они ее не тронули. Слава богу. Не успели.

Но эта комната! О господи, одно то, что ее здесь заперли, было равносильно надругательству.

Джима трясло.

Он видел, что женщину тоже трясет, а спустя секунду понял, что ее колотит не от ярости, а от страха. Она его боится, причем еще сильнее, чем в тот миг, когда он ворвался в комнату.

Хорошо, что в спальне автодома не было зеркала. Джим не хотел бы увидеть свое отражение, наверняка в тот момент его лицо было искажено, как у безумца.

Надо было взять себя в руки.

– Все в порядке, – как можно спокойнее повторил Джим. – Я помогу вам.

Он опустился на колени рядом с кроватью. Надо как можно быстрее освободить их и хоть немного успокоить. Джим перерезал ленту, которой были связаны лодыжки женщины, содрал ее и отбросил в сторону. Потом перерезал ленту на запястьях и повернулся к девочке, с остальным мать могла справиться сама.

Как только Джим освободил руки Сузи, она обхватила себя, будто хотела защититься. А когда он перерезал ленту у нее на щиколотках, начала пинаться и, ерзая, отползла подальше по серым измятым простыням. Джим не пытался к ней приблизиться, наоборот, отодвинулся подальше.

Лиза сорвала ленту с губ, вытащила изо рта кляп и закашлялась, как будто ее вынули из петли.

Когда она заговорила, в ее голосе одновременно звучали отчаяние и покорность:

– Мой муж, он остался в машине... Мой муж...

Джим посмотрел на женщину и не смог сказать правду в присутствии ее дочери.

Лиза прочитала все в его глазах, и на секунду ее прекрасное лицо исказило мучительное страдание, но ради девочки она проглотила рвущиеся из горла рыдания.

– Господи, – выдохнула она, и в одном этом слове прозвучала вся боль потери.

– Вы сможете взять Сузи на руки?

Но в тот момент Лиза могла думать только о муже.

– Вы сможете взять Сузи на руки? – повторил Джим.

Лиза растерянно заморгала:

– Откуда вы знаете ее имя?

– Ваш муж сказал.

– Но...

– До того, – коротко ответил Джим, чтобы не давать женщине ложную надежду. – Можете вынести ее отсюда?

– Да, наверное... Да.

Джим и сам мог вынести Сузи из автодома, но подумал, что в этой ситуации ему лучше к девочке не прикасаться. Да, ощущение иррациональное и слишком эмоциональное, но он чувствовал: в том, что сделали или, будь у них шанс, могли сделать с девочкой два негодяя, была вина всех мужчин, а значит, пусть и в малой мере, и его тоже.

И теперь единственным, кто имел право прикоснуться к этой девочке, был ее отец. И он был мертв.

Джим встал с коленей и, отходя от кровати, натолкнулся на узкий шкаф – его дверца приоткрылась.

Девочка была настолько потрясена, что даже не сразу узнала протянутые к ней ласковые руки матери и, похныкивая, отползла подальше. Но в следующий миг оковы страха спали, и она бросилась в объятия женщине.

Лиза поглаживала дочь по голове и тихим голосом пыталась хоть как-то ее успокоить.

Кондиционер в доме на колесах был выключен с того момента, как бандиты припарковались у обочины и пошли посмотреть, что там с перевернутым «камаро». Температура в спальне с каждой секундой повышалась, да еще эта вонь... Воздух в маленькой комнате был насыщен парами скисшего пива, пота и запахом темно-красных пятен на ковре, о происхождении которых Джиму даже не хотелось думать.

– Идемте отсюда, – сказал Джим.

Лиза никак не походила на могучую женщину, но она подняла дочь, как пушинку, и пошла к двери.

– Когда выйдете, не смотрите влево, – предупредил Джим. – Там труп негодяя. Лучше девочке этого не видеть.

Лиза кивнула, явно благодарная за предупреждение.

Джим повернулся, чтобы выйти из спальни вслед за Лизой, и увидел узкий шкафчик, который приоткрылся у него за спиной. На полках стояли видеокассеты с белой самоклеящейся лентой на торцах. Названиями кассет служили имена: «Синди», «Тиффани», «Джои», «Сисси», «Томми», «Кевин». Две кассеты с «Салли» и три с «Венди». Много имен, около тридцати. Джим понимал, на что смотрит, но не хотел верить своим глазам. Хоумвидео жестоких преступлений. Извращения как сувенир на память. Жертвы.

Джима переполняла горькая чернота. Он проследовал за Лизой через автодом и вышел под слепящее солнце пустыни.

2

Лизу Джим нашел на обочине за «роадкингем», девочка стояла рядом, цепляясь за маму. Они были так похожи. Солнце струилось по их золотистым волосам, выделяло цвет глаз, как лампа ювелира выделяет цвет разложенных на бархате изумрудов, и словно подсвечивало их кожу. Глядя на них, трудно было поверить, что в их жизнь вторгся мрак и наводнил ее так же, как темнота наводняет этот мир после сумерек.

Джиму было невыносимо тяжело оставаться рядом со спасенными. Всякий раз, глядя на них, он вспоминал об убитом в универсале мужчине, и его переполняло сочувствие сродни настоящей физической боли.

Выбрав на связке ключей из автодома подходящий, Джим разомкнул цепь, которой мотоцикл был пристегнут к фургону, и спустил его на землю. Это был «харли-дэвидсон», модель для езды по бездорожью с двигателем объемом 1340 кубических сантиметров, с пятиступенчатой коробкой передач, которая соединялась с задним колесом не промасленной цепью, а зубчатым приводным ремнем. Джим ездил на мотоциклах поэффектнее и помощнее, этот был простенький, насколько может быть таковым «харлей». Сейчас Джиму нужны были скорость и управляемость, а этот «харлей», если он в хорошем состоянии, гарантировал и то и другое.

– Втроем мы на нем не уедем, – встревоженно заметила Лиза, пока Джим осматривал мотоцикл.

– Верно, я поеду один.

– Пожалуйста, не оставляйте нас.

– Кто-нибудь согласится вас подвезти еще до того, как я уеду.

На трассе появилась машина. Три пассажира смотрели на них с разинутыми ртами, а водитель только прибавил скорость.

– Никто не остановится, – с несчастным видом сказала Лиза.

– Кто-нибудь да остановится. Я подожду, пока вас не подберут.

– Я не хочу садиться в машину к незнакомым людям, – после небольшой паузы призналась Лиза.

– Сразу садиться не придется. Посмотрим, кто остановится.

Лиза затрясла головой.

– Я пойму, можно ли им доверять, – успокоил ее Джим.

– Я не... – У Лизы сорвался голос, она с трудом взяла себя в руки. – Я никому не доверяю.

– В мире хватает добрых людей. На самом деле их большинство. В любом случае, когда машина остановится, я пойму, хорошие в ней люди или плохие.

– Но как? Как вы поймете?

– Я пойму, – повторил Джим.

Как – он объяснить не мог. Также он не смог бы объяснить, как понял, что они с дочкой нуждаются в его помощи посреди раскаленной пустыни.

Джим оседлал мотоцикл и нажал на кнопку стартера – двигатель тут же завелся. Джим немного погазовал и заглушил мотор.

– Кто вы? – спросила Лиза.

– Этого я вам не скажу.

– Но почему?

– Из случившегося сделают сенсацию. Заголовки на первых полосах обеспечены.

– Я не понимаю.

– Мои фото будут во всех газетах, а я не люблю публичности.

У «харлея» был небольшой багажник, Джим вытащил ремень из джинсов и привязал дробовик к мотоциклу.

– Мы вам так обязаны, – дрожащим от волнения голосом сказала Лиза.

Джим посмотрел на нее, потом на Сузи: девочка прижималась к матери. Она не прислушивалась к разговору, просто смотрела в пустоту невидящим взглядом, и мысли ее явно витали где-то очень далеко. Одной рукой она обнимала маму, а вторую прижимала ко рту и сильно, чуть не до крови, кусала костяшки пальцев.

Джим отвел взгляд и снова посмотрел на мотоцикл.

– Вы ничем мне не обязаны.

– Но вы спасли...

– Не всех, – перебил ее Джим. – Не всех, кого должен был спасти.

Их внимание привлек приглушенный звук мотора. Из водяных миражей на востоке появился черный тюнингованный «транс-ам» и вскоре, заскрежетав тормозами, остановился прямо напротив них. На переднем крыле красовались красные языки пламени, ободья колес были защищены хромированными дисками, а широкие двойные выхлопные трубы переливались на солнце, как ртуть.

Из машины вышел водитель – брюнет лет тридцати с прической а-ля Элвис Пресли. Он был в джинсах и белой футболке, закатанные рукава открывали татуировки на бицепсах.

– У вас все порядке? Помощь нужна? – спросил он, не отходя от дверцы машины.

Джим окинул его взглядом и сказал:

– Их надо подвезти до ближайшего города.

Мужчина обошел «транс-ам». Пассажирская дверь открылась, и из машины вышла женщина в широких бежевых шортах и в белом топе с петлей через шею. Она была на пару лет моложе своего приятеля. Непослушные обесцвеченные волосы выбивались из-под белой банданы и обрамляли лицо, окрашенное так густо, как будто оно было испытательным полигоном фирмы «Макс Фактор». Бижутерии тоже хватало: уши оттягивали тяжелые серебряные серьги, на шее висели три разноцветные нитки бус, на запястьях болтались по два браслета и часы,

на пальцах сверкали четыре кольца. А на левой груди виднелась татуировка в виде розово-голубой бабочки.

– Сломались? – поинтересовалась женщина.

– Колесо спустило.

– Я Фрэнк, – представился мужчина, не переставая жевать жвачку. – А это Верна. Я помогу поменять колесо.

Джим покачал головой:

– Не стоит, на фургоне мы все равно не сможем ехать. Внутри труп.

– Труп?

– И еще один вон там. – Джим указал за «роадкинг».

Верна выпучила глаза.

Фрэнк на секунду перестал жевать, глянул на привязанный к багажнику «харлея» дробовик и снова посмотрел на Джима.

– Твоя работа?

– Да. Они похитили эту женщину и ее дочь, – ответил Джим.

Фрэнк окинул его испытующим взглядом и повернулся к Лизе:

– Это правда?

Лиза кивнула.

– Мать твою, ну и дела! – воскликнула Верна.

Джим мельком посмотрел на Сузи. Девочка витала где-то в своем мире, и, чтобы вернуться в мир реальный, ей определенно требовалась помощь профессионала. Джим был уверен, что она ни слова не слышит из их разговора.

Станным образом он чувствовал ту же отстраненность от реальности, что и эта маленькая девочка. Он погружался во внутреннюю темноту, и очень скоро она грозила поглотить его целиком.

– Подонки, которых я пристрелил... Они убили ее мужа, отца девочки... Его тело в универсале в паре миль к западу отсюда.

– Вот дерьмо, – выругался Фрэнк. – Хреново все это.

Верна подошла ближе к Фрэнку и передернула плечами, будто ее пробрал озноб.

– Прошу вас, отвезите их в ближайший город как можно скорее, – сказал Джим. – Передайте их врачам, а потом позвоните в полицию. Скажите, пусть едут сюда.

– Сделаем, – кивнул Фрэнк.

– Подождите, – вмешалась Лиза.

Джим подошел к ней, и она зашептала ему на ухо:

– Они такие... Похожи на... Я не могу, я боюсь.

Джим обнял ее за плечи и посмотрел прямо в глаза:

– Внешность обманчива. Фрэнк и Верна – хорошие люди. Вы мне доверяете?

– Да. После всего... Конечно.

– Тогда поверьте, они вам помогут.

– Но откуда вы знаете? – срывающимся голосом спросила Лиза.

– Я знаю, – коротко ответил Джим.

Еще пару секунд Лиза молча смотрела ему в глаза, потом кивнула и сказала:

– Хорошо.

Дальше все было просто. Сузи, покорную и безучастную, как будто она была под наркотиками, усадили на заднее сиденье «транс-ама». Лиза села рядом и прижала к себе дочь. Фрэнк прыгнул за руль. Верна устроилась на пассажирском сиденье, достала из переносного холодильника банку рутбира и передала ее Джиму. Джим закрыл за ней дверь и, наклонившись к открытому окну, поблагодарил их обоих.

– Я так понял, ты не станешь дожидаться копов? – спросил Фрэнк.

– Нет.

– Тебе нечего волноваться, ты ж герой.

– Знаю. Но ждать их не буду.

– Ясно, у тебя своя тема, – кивнул Фрэнк. – Сказать копам, что ты лысик с карими глазами и поехал на попутке на восток?

– Нет, врать не надо. Мне это не нужно.

– Как скажешь.

– Не волнуйся, – вставила Верна. – Мы о них позаботимся.

– Я знаю, – сказал Джим.

Попивая рутбир, Джим проводил взглядом «транс-ам», потом сел на «харлей», пересек автостраду, съехал с обочины и направился на юг, вглубь раскаленной враждебной Мохаве.

Некоторое время Джим ехал со скоростью семьдесят миль в час. Защиты от ветра у него не было, потому что на «харлее» этой модели не стояли обтекатели. Горячий ветер бил в лицо, глаза постоянно слезились.

Странное дело, но о жаре Джим не думал, на самом деле он ее даже не ощущал. Он обливался потом и в то же время чувствовал прохладу.

Джим потерял счет времени. Где-то через час он осознал, что равнину сменили ржаво-бурые холмы, и сбавил скорость. Теперь приходилось вилять между выступающими из земли горными породами, но «харлей» этой модели был задуман именно для такой езды. Благодаря более высокой подвеске, специальным рессорам, двойным дисковым передним тормозам Джим мог, как каскадер, резко сворачивать перед любыми сюрпризами, которые подкидывала ему пустыня.

Потом ощущение прохлады исчезло. Джим стал мерзнуть.

Солнце как будто потихоньку меркло, хотя Джим понимал, что до сумерек еще далеко. Темнота надвигалась на него изнутри.

Наконец он остановился в тени скалы примерно в четверть мили в длину и три сотни футов в высоту. Солнце, ветер и редкие для Мохаве ливневые дожди превратили ее в руины древнего, наполовину похороненного в песке замка.

Джим поставил «харлей» на откидную подножку и сел в тени утеса. Спустя некоторое время он лег на бок, поджал колени и скрестил руки на груди.

Эта скала очень вовремя попала ему на пути. Темнота поглотила его целиком, он погрузился в бездну отчаяния.

3

Позже, в последний час перед закатом, Джим снова мчался на «харлее» по серым и бледно-розовым равнинам с редкими рошицами мескитовых деревьев. Вслед ему катились подгоняемые ветром, почерневшие от солнца клубки перекасти-поля. В воздухе пахло железом и солью.

Он смутно помнил, как сломал кактус и высосал влагу из водянистой мякоти, но жажда не отпускала.

Поднявшись на невысокий холм, Джим сбросил газ. Внизу в двух милях впереди вдоль автострады вытянулся городок. После нескольких часов пустоты – физической и душевной – зеленые кроны деревьев казались противоестественно сочными. Джим не был уверен, что городок ему не мерещится, но все равно поехал к нему вниз по склону.

Опускались сумерки, небо окрасилось в лиловый цвет, и на его фоне вдруг возник силуэт церкви с крестом на пинакле. Джим понимал, что его состояние близко к горячечному бреду и оно лишь отчасти вызвано обезвоживанием, но, не раздумывая, свернул к церкви. Внутри он мог найти покой, а покой был нужен ему куда больше воды.

В полумиле от города Джим съехал в русло пересохшего ручья, уложил «харлей» на бок и присыпал его рыхлым песком с берега. Он решил, что легко преодолеет остаток пути пешком, но переоценил свои силы. Перед глазами все плыло, губы обгорели на солнце, сухой язык прилипал к нёбу, а в горле першило, как будто он подхватил злую лихорадку. Мышцы в ногах сводило судорогами, он шагал словно в бетонных ботинках.

По всей видимости, Джим отключился на ходу, потому что, оказавшись на кирпичных ступенях обшитой белыми досками церкви, он совершенно не помнил, как преодолел последние сотни ярдов. Рядом с двойными дверьми была привинчена медная табличка: «Святая Дева пустыни».

Когда-то он исповедовал католицизм и где-то в душе еще оставался католиком. В своей жизни Джим побывал методистом, иудеем, буддистом, баптистом, мусульманином, индуистом, даосистом и, хотя больше не отправлял обряды, все еще чувствовал связь со всеми этими религиями.

Дверь, казалось, была тяжелее, чем камень, отваленный от гроба Господня, но Джим все же смог ее открыть и вошел внутрь.

В церкви было ненамного прохладнее, чем снаружи в сумерках Мохаве. В воздухе витал сладковатый запах свечей, миро и благовоний. На Джима нахлынули воспоминания о временах, когда он был католиком. Он словно вернулся домой.

Джим окунул пальцы в кропильницу и перекрестился, потом зачерпнул прохладную воду и поднес ко рту. У воды был привкус крови. Джим в ужасе посмотрел в белую мраморную чашу, ожидая обнаружить на ее краях запекшиеся пятна, но увидел только воду и свое подрагивающее отражение. Он облизал обожженные солнцем, потрескавшиеся губы. Кровь была его.

Спустя еще какое-то время Джим осознал, что стоит на коленях, припав к ограде алтаря, и молится. Он не помнил, как туда добрался, – наверное, опять отключился.

Ветер сдул остатки дня, словно налет серой пыли, и горячая ночь навалилась на окна. Церковь освещали только лампочка в притворе, дюжина мерцающих в красных блюдцах свечей и небольшой, направленный на распятие растровый светильник.

Джим посмотрел на распятие и увидел свое лицо. Поморгал и посмотрел снова: теперь ему мерещился мертвец из универсала. Потом святой лик обрел черты его матери, отца, девочки по имени Сузи, Лизы... А затем лицо исчезло и превратилось в черный овал – точно лицо головореза, когда тот развернулся в полумраке «роадкинга», чтобы выстрелить в Джима.

Христос исчез, на кресте появился убийца. Он открыл глаза, посмотрел на Джима и улыбнулся. Затем оторвал от дерева приколоченные ноги – из одной стопы еще торчал гвоздь, во второй зияла черная дыра. Извиваясь, высвободил руки. Гвозди так и остались в ладонях. Он плавно опускался вниз – будто не под действием гравитации, а по собственной воле. Он двинулся через ограду алтаря прямо на Джима.

У того сердце выскакивало из груди, но он внушал себе, что это галлюцинация, плод воспаленного сознания, не больше.

Убийца опустился ниже и прикоснулся к его лицу мягкой, как разлагающееся мясо, и холодной, как сжиженный газ, рукой.

Джим задрожал и потерял сознание, как всякий истинно верующий после прикосновения проповедника в молебном шатре.

4

Комната с белеными стенами.

Узкая кровать.

Скромная и даже убогая обстановка.

За окнами ночь.

Джим приходил в себя и снова впадал в беспамятство. И всякий раз, возвращаясь на минуту, от силы на две, в сознание, он видел лицо склонившегося над ним человека. Это был мужчина лет пятидесяти, лысеющий, полноватый, с густыми бровями и приплюснутым носом.

Иногда незнакомец аккуратно смазывал лицо Джима какой-то мазью, иногда прикладывал к его лбу компресс с ледяной водой. Он приподнимал голову Джима над подушкой и поил его через соломинку. Джим не сопротивлялся, потому что знал: мужчина желает ему добра.

Да у него и не было ни голоса, ни сил сопротивляться. Руку он не мог поднять над простыней выше чем на дюйм, а горло саднило так, будто он хлебнул керосина, а потом поднес ко рту горящую спичку.

– Просто отдохайте, – сказал незнакомец. – Вы перенесли тяжелый тепловой удар и обгорели на солнце.

«Ветровой удар, так будет точнее», – подумал Джим, припомнив езду на «харлее» без плексигласового обтекателя.

За окном светло. Новый день.

У Джима воспалились глаза и жутко распухло лицо. Он заметил на шее у незнакомца пасторский воротничок.

– Святой отец, – прохрипел Джим и не узнал своего голоса.

– Я нашел вас в церкви. Вы были без сознания.

– Святая Дева пустыни.

Пастор снова приподнял голову Джима над подушками.

– Да, верно. А я отец Гиэри. Лео Гиэри.

В этот раз Джим смог самостоятельно сделать пару глотков воды. Она показалась сладкой на вкус.

– Что вы делали в пустыне? – спросил отец Гиэри.

– Просто катался.

– Зачем?

Джим не ответил.

– Как вас зовут?

– Джим.

– При вас не было никаких документов.

– Да, в этот раз не взял.

– Что вы хотите этим сказать?

Джим промолчал.

– У вас в карманах было три тысячи долларов, – сказал священник.

– Возьмите, сколько вам нужно.

Отец Гиэри пристально посмотрел на Джима и улыбнулся:

– Будьте осторожнее с такого рода предложениями, сын мой. Это бедная церковь, мы нуждаемся в любой помощи.

Джим снова отключился, а когда пришел в себя, священника в комнате не было. В доме стояла тишина, только поскрипывали стропильные балки да стекла в окнах дребезжали от ветра.

В комнату вернулся священник.

– Могу я задать вам один вопрос? – спросил Джим.

– Можете, какой?

Голос у Джима все еще был хриплым, но уже не таким чужим.

– Если Господь существует, почему он допускает страшные муки?

– Вам стало хуже? – встревожился пастор.

- Нет-нет, мне уже лучше. Я не о себе. Просто... Почему он вообще допускает мучения?
- Чтобы нас испытать.
- Но зачем ему нас испытывать?
- Чтобы понять, кто достоин.
- Достоин чего?
- Спасения, естественно. Вечной жизни.
- Но почему Он не сотворил нас достойными?
- Он нас такими и сотворил. Сотворил совершенными, но потом мы согрешили и впали

в немилость.

- Но как мы могли согрешить, будучи совершенны?
- Могли, потому что Он даровал нам свободу воли.
- Я не понимаю.

Отец Гиэри нахмурился:

– Меня не назовешь искушенным в богословии. Я обычный священник. Могу лишь сказать, что это божественная тайна. Мы лишились милости Божьей и теперь должны ее заслужить.

- Мне надо помочиться.
- Хорошо.
- Только в этот раз без судна. Думаю, с вашей помощью доберусь до туалета.
- Я тоже так думаю. Вам заметно лучше, слава Богу.
- Свобода воли, – заметил Джим.

Священник нахмурился.

Ближе к вечеру, через двадцать четыре часа после того, как Джим, едва держась на ногах, вошел в церковь, температура у него спала на три градуса, мышцы перестала сводить судорога, прошла ломота в суставах, в голове прояснилось, а грудь уже не болела при каждом вдохе. Но с лицом дела еще были плохи. При разговоре Джим старался не напрягать мимические мышцы, потому что, несмотря на кортизоновый крем, которым отец Гиэри смазывал ему лицо каждые несколько часов, губы и уголки рта постоянно трескались.

Теперь он мог самостоятельно садиться на кровати и передвигался по комнате, только слегка опираясь на руку священника. Когда вернулся аппетит, отец Гиэри накормил его куриным супом, а потом дал ванильного мороженого. Джим помнил о трещинах на губах, поэтому ел аккуратно, чтобы не приправлять еду собственной кровью.

- Я бы еще чего-нибудь съел, – признался Джим, покончив с порцией.
- Давайте сначала убедимся, что ваш организм готов усвоить суп с мороженым.
- Я в порядке. У меня всего-то был солнечный удар и обезвоживание.
- Солнечный удар может убить, сын мой. Вам нужен отдых.

Спустя некоторое время священник смягчился и принес еще немного мороженого.

– Почему люди убивают? – спросил Джим, почти не разжимая похолодевшие от мороженого губы. – Я не про копов. И не про солдат. И не про тех, кто убивает ради самозащиты. Я про других. Про отморозков. Почему они убивают?

Отец Гиэри устроился в кресле-качалке с прямой спинкой возле кровати и, приподняв одну бровь, посмотрел на Джима.

- Это очень непростой вопрос.
- Думаете? Возможно. У вас есть ответ?
- Могу ответить просто: они убивают, потому что в них поселилось зло.

С минуту они сидели молча. Джим ел мороженое, а священник покачивался в кресле. За окнами спускались сумерки.

Джим первым нарушил молчание:

– Убийства, несчастные случаи, болезни, старость... Почему господь вообще создал нас смертными? Почему мы должны умирать?

– Смерть – это не конец. По крайней мере, я в это верю. Смерть – это только переход, поезд, который доставит нас к воздаянию.

– Вы хотите сказать – на небеса?

– Или куда похуже, – немного поколебавшись, ответил священник.

Джим проспал еще два часа, а когда проснулся, увидел, что отец Гиэри стоит в ногах кровати и очень внимательно на него смотрит.

– Вы говорили во сне, – произнес священник.

Джим сел.

– Да? И что я говорил?

– Говорили, что враг близко.

– И все?

– Потом вы сказали, что он идет и скоро убьет всех нас.

Джима бросило в дрожь, но не оттого, что в словах священника была заключена некая сила, а потому, что подсознательно очень хорошо понимал, что они значат.

– Это все сон, – сказал Джим. – Просто дурной сон.

Внезапно проснувшись в три часа ночи в доме приходского священника, Джим резко сел на постели и услышал собственный голос:

– Он всех нас убьет.

В комнате было темно.

Джим на ощупь включил прикроватную лампу.

Никого. За окнами темнота.

Его охватило странное, но неотступное чувство, что где-то совсем рядом притаилось нечто гораздо чудовищнее того, с чем когда-либо приходилось сталкиваться простым смертным, или того, о чем когда-нибудь упоминала история.

У Джима мурашки побежали по коже. Он встал с кровати, надел пижаму священника, которая явно была ему не по размеру, и замер, не понимая, что делать дальше. Потом выключил лампу и босиком прошел к одному окну, а затем ко второму. Комната помещалась на втором этаже. Ночь стояла темная и тихая. Если там что-то и было, оно уже ушло.

5

На следующее утро Джим уже в своей одежде, выстиранной для него отцом Гиэри, вышел в гостиную и провел там большую часть дня, сидя в кресле и положив ноги на пуфик. Обветренное и обожженное солнцем лицо ощущалось как маска. Он читал журналы и дремал, а священник тем временем занимался делами прихода.

В тот вечер они решили поужинать вместе. Отец Гиэри мыл в раковине на кухне латук, сельдерей и томаты для салата. Джим, сидя за столом, открыл бутылку «Кьянти» и дал вину подышать, а потом нарезал тонкими ломтиками консервированные грибы для соуса к спагетти.

Они не разговаривали, но молчание не напрягало. Джим удивлялся странной связи, установившейся между ним и священником. Последние два дня он провел, словно во сне, как будто нашел убежище не просто в маленьком городке, а где-то за пределами реального мира, в сумеречной зоне. Священник перестал задавать вопросы, да и вообще не проявлял и половины того любопытства, какого требовала ситуация. Джим подозревал, что обычно христианское гостеприимство отца Гиэри не распространяется на разных подозрительных типов, пострадав-

ших при подозрительных обстоятельствах. Почему святой отец выхаживал его с такой заботой, оставалось для Джима загадкой. Но каков бы ни оказался ответ, он был ему благодарен.

Нарезав половину грибов из банки, Джим вдруг выпрямился и сказал:

– Спасательный круг.

Отец Гиэри с пучком сельдерея в руке отвернулся от раковины и посмотрел на Джима:

– Что, простите?

Джим похолодел и чуть не уронил нож в кастрюлю, но потом медленно положил его на стол.

– Что вы сказали? – переспросил священник.

Джима начало трясти от холода, он повернулся к отцу Гиэри и сказал:

– Мне надо в аэропорт.

– В аэропорт?

– Да, святой отец, прямо сейчас.

Священник явно был озадачен. Он приподнял брови, и по его лбу к затылку поползли горизонтальные морщины.

– Но у нас здесь нет аэропорта.

– Где ближайший? – с напором спросил Джим.

– Ну... Часа два ехать. До самого Лас-Вегаса.

– Вы должны меня отвезти.

– Что? Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– Но...

– Мне нужно в Бостон.

– Но вы нездоровы...

– Мне уже лучше.

– Ваше лицо...

– Да, оно болит и выглядит хуже некуда, но это не смертельно. Отец, мне нужно в Бостон.

– Господи, зачем?

Джим немного поколебался и решил приоткрыть священнику правду.

– Если я не попаду в Бостон, погибнет человек. Тот, кто не должен погибнуть.

– Кто? Кто не должен погибнуть?

Джим облизал сухие губы.

– Я не знаю.

– Не знаете?

– Но узнаю, когда буду там.

Отец Гиэри долго и пристально смотрел на Джима, а потом наконец сказал:

– В жизни не встречал такого странного человека.

– Я тоже, – кивнул Джим.

Они вышли из дома и сели в шестилетнюю «тойоту» священника. Долгий августовский день клонился к закату, солнце пряталось за тучами цвета свежих гематом.

Спустя всего полчаса молнии раскололи блеклое небо и принялись отплясывать пьяный танец на мрачном горизонте пустыни. Одна вспышка следовала за другой, и каждая была ярче предыдущих. Таких молний, как в пустыне Мохаве, Джим никогда не видел. Спустя еще десять минут небо потемнело и опустилось, на землю обрушились серебряные потоки воды, сравнимые разве только с теми, что видел старик Ной, когда достраивал свой ковчег.

– Летом такие грозы в наших краях большая редкость, – заметил отец Гиэри и включил стеклоочистители.

– Гроза не должна нас задержать, – с тревогой в голосе сказал Джим.

– Я этого не допущу, – заверил его священник.

– Ночью из Вегаса на восток мало рейсов. Большинство летит днем. Я не могу ждать до утра. Я должен быть в Бостоне завтра.

Сухой песок впитывал влагу, но там, где почва была каменистой или затвердела за долгие месяцы засухи, вода стекала во все самые мелкие трещины, канавки и превращалась в ручейки. Ручейки превращались в быстрые реки, а реки – в бурлящие потоки, которые быстро заполняли пересохшие русла и увлекали за собой пучки вырванной с корнем пустынной травы, клубки перекати-поля и сломанные ветки деревьев.

Отец Гиэри держал в машине две кассеты с любимыми аудиозаписями: золотую коллекцию рок-н-ролла и лучшие песни Элтона Джона. Он поставил Элтона. Они ехали через грозовые сумерки, а потом и сквозь вечерний ливень под «Funeral for a Friend», «Daniel» и «Benny and the Jets».

Лужи сверкали на черном асфальте, как разлитая ртуть. Водные миражи, которые Джим видел на автостраде всего пару дней назад, стали реальностью, и это было жутковато. Напряжение внутри нарастало с каждой минутой, Бостон звал его. До цели еще далеко, а на свете есть вещи темнее и опаснее, чем автострада под проливным дождем в пустыне. Например, человеческое сердце.

Священник сутулился над рулем, напряженно смотрел вперед и подпевал Элтону Джону.

– Отец, а разве у вас в городе нет доктора?

– Есть.

– Но вы его не вызвали.

– Я сходил к нему и взял рецепт на кортизол.

– Я видел тюбик, святой отец. Рецепт был выписан на ваше имя три месяца назад.

– Ну... Я уже имел дело с солнечными ударами и знал, что сам смогу вам помочь.

– А мне показалось, сначала вы были очень встревожены.

Несколько миль священник ехал молча, а потом сказал:

– Я понятия не имею, кто вы, откуда и зачем на самом деле стремитесь в Бостон. Но я вижу, что вы попали в переделку, причем в очень и очень серьезную. И я знаю, что в душе вы хороший человек. Как бы там ни было, любой, кто попал в переплет, не захочет привлекать к себе лишнее внимание.

– Спасибо. Все так и есть.

Еще через пару миль дождь ливанул с такой силой, что отцу Гиэри пришлось сбросить скорость.

– Это вы спасли женщину с маленькой девочкой, – сказал он.

Джим напрягся, но не ответил.

– По телевизору передавали описание. Вы подходите.

Священник помолчал еще немного и заговорил снова:

– Я не слишком верю в чудеса.

Это признание удивило Джима.

Святой отец выключил кассету с Элтоном Джоном. Тишину нарушали только шорох шин по мокрому асфальту и размеренный стук стеклоочистителей.

– Да, я верю в библейские чудеса и отношусь к ним как к реальным событиям, – говорил святой отец, не отрывая взгляда от дороги. – Но я отказываюсь верить, что после игры в «бинго» в среду вечером где-то в Цинциннати, Пеории или Тинеке в церкви статуя Девы Марии заплакала настоящими слезами, а свидетелями тому были два подростка и приходская уборщица. И я не готов верить, что тень, похожая на силуэт Иисуса, упавшая на стену гаража от желтой лампы, знаменует грядущий апокалипсис. У Господа имеется множество неподвластных нашему пониманию инструментов, и противомоскитная лампа явно не из их числа.

Священник замолчал, а Джим терпеливо ждал продолжения.

– Когда я нашел вас в церкви у алтарной ограды, – было заметно, что каждое слово дается отцу Гиэри с большим трудом, – у вас были стигматы Христа, дыры от гвоздей на ладонях...

Джим посмотрел на свои руки, но ничего подобного не увидел.

– ...и ваш лоб был оцарапан, словно терновым венцом.

Обветренное и обожженное солнцем лицо еще не зажило, так что высматривать в зеркале заднего вида царапины, о которых говорил священник, не имело смысла.

– Я испугался... – признался отец Гиэри. – Да, я определенно испугался, но в то же время был потрясен и даже зачарован.

Они подъехали к сорокафутовому бетонному мосту через некогда пересохшее русло реки. Теперь вода вышла из берегов и залила переправу. Гиэри упрямо ехал вперед. Вода, сверкая в свете фар, вздымалась по бокам от машины, словно огромные белые крылья.

– Я в жизни не видел стигматов, – признался святой отец, когда они переехали затопленный мост, – но слышал о подобном феномене. Я расстегнул вашу рубашку, осмотрел бок... А там рана, как от копья.

За последние месяцы в жизни Джима произошло столько странностей, что он постепенно терял способность удивляться, но рассказ священника – это было слишком, его даже в дрожь бросило.

Отец Гиэри понизил голос до шепота:

– К тому времени, когда я перетащил вас в дом и уложил в постель, раны и царапины исчезли. Но я знал, что они мне не померещились. Я видел их собственными глазами и понял, что вы – особенный.

Молнии давно перестали сверкать, и небо почернело без их подсветки. Дождь стих, и отец Гиэри уменьшил скорость работы стеклоочистителей и выжал педаль газа своей старушки-«тойоты».

Какое-то время они оба не знали, что сказать.

Наконец священник откашлялся и спросил:

– С вами такое уже случалось? Я про стигматы.

– Нет. Никогда ничего такого не замечал. С другой стороны, если бы не вы, я бы о них так никогда и не узнал.

– А вы заметили раны на ладонях до того, как потеряли сознание у алтаря?

– Нет.

– Но это не первый странный случай, который приключился с вами в последнее время?

Джим тихо рассмеялся, но не потому, что ему было весело.

– Определенно не первый.

– Не хотите со мной поделиться?

Джим подумал немного и ответил:

– Хочу, но не могу.

– Я священник и уважаю тайну исповеди. Даже полиция не в силах принудить меня раскрыть чужую тайну.

– О, я верю вам, святой отец. И полиция меня не особо беспокоит.

– Тогда почему нет?

– Если я вам расскажу... Придет враг.

Джим нахмурился: казалось, эти слова произнес не он сам, а кто-то другой транслировал их через него.

– Что за враг? – попытался уточнить священник.

– Я не знаю, – ответил Джим, глядя на бесконечную, погруженную во мрак пустыню.

– Тот враг, о котором вы твердили во сне прошлой ночью?

– Возможно.

– Вы говорили, что он убьет всех нас.

– Так и будет.

Джиму их разговор был интересен даже больше, чем священнику, потому что он понятия не имел, какие слова произнесет.

– Если он обо мне узнает, если узнает, что я спасаю жизни, жизни особенных людей, он придет, чтобы остановить меня.

Священник мельком глянул на Джима.

– Особенных людей? Что вы хотите этим сказать?

– Не знаю.

– Если расскажете мне о себе, я не передам ваши слова ни одной живой душе. Кем бы ни был этот враг, он не узнает о вас только потому, что вы мне исповедовались.

– Я ничего о нем не знаю.

– Не знаете?

– Именно так.

Священник тяжело вздохнул.

– Святой отец, я не играю с вами и не пытаюсь вас запутать.

Джим заерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее, и поправил ремень безопасности, хотя ощущение дискомфорта на самом деле исходило изнутри, а не извне.

– Вам знаком термин «автоматическое письмо»? – спросил он.

– Да, телепаты и медиумы любят о таком болтать. Дешевые фокусы для суеверных. Дух якобы водит рукой медиума, пока тот в трансе, и пишет сообщения из потустороннего мира. – Отец Гиэри презрительно фыркнул. – Те, кто поднимает на смех саму мысль о том, что Господь может говорить с нами, те, кто саму идею существования бога на смех поднимает, готовы броситься в объятия любому мошеннику, который заявляет, будто может организовать сеанс связи с душами умерших.

– И тем не менее то, что порой происходит со мной, очень похоже на «автоматическое письмо», только в устной форме. Будто кто-то говорит через меня. В такие моменты я сам не знаю, что скажу, пока не услышу собственный голос.

– Но при этом вы не впадаете в транс.

– Нет.

– Хотите сказать, что вы медиум?

– Нет. Я определенно не медиум.

– Думаете, посредством вас говорят умершие?

– Нет. Это не они.

– Тогда кто?

– Я не знаю.

– Господь?

– Возможно.

– Но вы не знаете, – в отчаянии сказал отец Гиэри.

– Не знаю.

– Нет, вы не просто самый странный человек в моей жизни. Вы загоняете меня в тупик.

В международный аэропорт Маккаран они приехали около десяти вечера. На подъезде к терминалу им попало всего пара такси. Дождь перестал. Пальмы слегка покачивались на ветру, и всё вокруг будто отмыли до блеска.

Джим открыл дверь «тойоты» ровно в ту секунду, когда отец Гиэри нажал на тормоза, вышел из машины и обернулся сказать на прощание пару слов:

– Спасибо вам, святой отец. Возможно, вы спасли мне жизнь.

– Не стоит драматизировать.

– Как вы заметили, у меня с собой три тысячи долларов, и я с удовольствием отдал бы их вашей церкви, вот только боюсь, они могут мне понадобиться. Ведь я не знаю, что готовит мне Бостон.

– Я не жду от вас пожертвований, – покачал головой священник.

– По возвращении домой я пришлю вам некую сумму. Наличными и в конверте без обратного адреса. Уверяю вас, эти деньги чистые, можете принять их со спокойной душой.

– Не стоит, Джим. Мне достаточно того, что нас свела судьба... Наверное, не лишним будет признаться, что знакомство с вами привнесло в жизнь скромного священника ощущение божественной тайны... Этот священник уже начал терять веру в свое призвание, но теперь она его никогда не покинет.

В этот момент они почувствовали такое тепло по отношению друг к другу, что обоим стало неловко. Джим наклонился и протянул руку в окно. Они обменялись рукопожатием.

Рука священника была сухой и крепкой.

– Да поможет вам Бог, – сказал он.

– Надеюсь, поможет, – ответил Джим.

24–26 августа

1

Стрелки часов только-только перевалили за полночь. Наступила пятница. Холли сидела за своим столом в отделе новостей «Портленд пресс» и тупо смотрела на темный экран компьютера. Она настолько вымоталась, что хотела лишь одного: вернуться домой, забраться в постель, укрыться с головой одеялом и проспять несколько дней кряду. Холли всегда презирала нытиков и пыталась мысленно пристыдить себя за такой настрой, но вместо этого стала еще больше себя жалеть. Да, забавный поворот, однако Холли даже улыбку не могла из себя выдавить: такой глупой и нелепой она себе казалась.

К счастью, утренний выпуск уже сдали в печать, и в новостном отделе не осталось никого, кто мог бы увидеть ее в столь плачевном состоянии, не считая долговязого уборщика Томми Вика и еще журналиста Джорджа Финтела, который отвечал за связь с городским правительством. Томми вытряхивал корзины с мусором и тер шваброй пол, а Джордж в дальнем конце комнаты спал за своим столом, положив голову на руки. Временами он громко всхрапывал. Когда ближайшие бары закрывались, Джордж порой возвращался не в свою квартиру, а в редакцию, словно старая лошадь, которая, если отпустить поводья, потащит телегу по знакомому маршруту туда, где, по ее разумению, находится дом. Джордж мог проснуться среди ночи и, поняв, где он, потащиться досыпать домой.

«Политики, – часто повторял Джордж, – низшая форма жизни, они деградировали с тех пор, как первая склизкая тварь выползла на сушу».

К пятидесяти семи годам Джордж выгорел, начинать все сначала не видел смысла, поэтому продолжал писать о госслужащих, которых поносил за глаза. Он возненавидел себя и находил утешение в водке с мартини, причем употреблял самыми что ни на есть лошадиными дозами.

Будь у Холли тяга к спиртному, она, может, и побоялась бы скатиться на уровень Джорджа, но после первого бокала она чувствовала легкий кайф, после второго хмелела, а после третьего укладывалась спать.

«Ненавижу свою жизнь», – подумала Холли, а вслух произнесла:

– Ты жалкая тварь.

«Ну и что, плевать, жизнь дерьмо».

- Меня тошнит от твоего нытья, – тихо, но с чувством сказала Холли.
- Вы со мной говорите? – спросил уборщик, подметая пол в проходе возле ее стола.
- Нет, Томми, это я сама с собой.
- Да? И что же вас так расстроило?
- Моя жизнь.

Томми остановился, облокотился на швабру и выставил вперед ногу. У него было широкое конопатое лицо, оттопыренные уши и копна рыжих волос. В общем, он казался милым, наивным и добрым.

- Все пошло наперекосяк?

Холли взяла полупустой пакетик «Эм-эн-эмс», вытряхнула несколько драже в рот и откинулась на спинку стула.

– После защиты диплома журналиста в университете Миссури у меня были грандиозные планы. Я верила, что смогу встряхнуть этот мир, буду писать судьбоносные статьи и подпирать Пулицеровскими премиями двери, чтобы не хлопали. А теперь посмотри на меня. Знаешь, чем я занималась сегодня вечером?

- Чем бы вы ни занимались, вам это не слишком понравилось.

– Я ошивалась в «Хилтоне» на ежегодном банкете Ассоциации лесопромышленников Портленда. Брала интервью у производителей модульных домов, торговцев шпоном и дистрибьюторов декора из красного дерева. Вручали «Бревно», как они называют главный приз лучшему торговцу года. У него я тоже интервью взяла. Примчалась сюда вся в мыле, чтобы вовремя написать материал для утреннего выпуска. Еще бы, новость-то горячая, того и гляди ловкачи из «Нью-Йорк таймс» перехватят.

- А я думал, вы пишете об искусстве и досуге.

– Надоело до тошноты и то и другое. Открою тебе секрет, Томми: один бездарный поэт способен отвлечь тебя от искусства лет на десять минимум.

Холли закинула в рот еще парочку шоколадных драже. Вообще, она не ела сладости, потому что не хотела таких же проблем с лишним весом, какие были у ее матери, но сейчас глотала конфеты, просто чтобы убедиться в собственном ничтожестве. Жизнь шла под откос.

– В кино и на телевидении журналистику преподносят как нечто гламурное и захватывающее. Ничего подобного, это все вранье.

– Да уж, я в жизни тоже свернул не туда, – признался Томми. – Думаете, я мечтал о славе уборщика «Портленд пресс»?

- Это вряд ли, – сказала Холли.

Она вдруг почувствовала себя конченной эгоисткой из-за того, что жаловалась на жизнь парню, который на деле мог ей позавидовать.

– Черта с два! Мальцом я был уверен, что, когда вырасту, буду водить один из этих огромных мусоровозов. Хотел сидеть в высокой кабине и жать на кнопки, управляя гидравлическим компактором. – Томми с тоской посмотрел в потолок. – Хотел глядеть на мир сверху вниз и рулить всемогущей техникой. Такая была у меня мечта. И я стремился к ней, но не прошел медосмотр. Сказали, у меня с почками не порядок. Ничего серьезного, но городские страховщики меня забраковали.

Томми облокотился на швабру и посмотрел в несуществующую даль. Он улыбался, наверное представляя, как сидит на водительском месте мусоровоза, словно на троне.

Глядя на парня во все глаза, Холли решила, что его широкое лицо не такое уж милое и доброе. Она неверно считала картинку – у него просто глупое лицо.

Ей захотелось сказать: «Ты идиот! Я мечтала получить Пулицеровскую премию, а стала наемной писакой, которая строчит репортажи о вручении долбаного «Бревна»! Вот это настоящая трагедия! А ты метешь пол, вместо того чтобы водить мусоровоз, и думаешь, что мы похожи?»

Но она промолчала, потому что поняла: да, они похожи. Несбывшаяся мечта, возвышенная или скромная, всегда несчастье для потерявшего надежду мечтателя. И Пулицеровская премия, которую ты так и не получил, и мусоровоз, в кабину которого ты так и не сел, в равной степени способны лишить тебя сна и погрузить в отчаяние. Более депрессивная мысль в жизни не приходила ей в голову.

Взгляд Томми снова сфокусировался.

– Не стоит вам нырять во все это с головой, мисс Торн. Жизнь... она как маффин с черникой, который тебе приносят в кофейне вместо заказанного маффина с абрикосом и орехами. В ней нет ни абрикосов, ни орехов. Вы можете психовать из-за того, чего вам не досталось. Но умнее будет просто понять, что маффин с черникой тоже очень даже вкусный.

В другом конце комнаты пернул Джордж Финтел. Причем так громко, что, как говорится, аж стекла зазвенели. Если бы «Портленд пресс» была крупной газетой и в редакции толкались только что вернувшиеся из Бейрута репортеры, они бы под столы попрятались.

«Господи, – подумала Холли, – моя жизнь в точности какой-нибудь рассказ Деймона Раньона. Убогая новостная редакция после полуночи. Неделанный философ-уборщик. Репортер-пропойца храпит за столом. Только в этот рассказ внесли свои поправки писатель-абсурдист в соавторстве с унылым экзистенциалистом».

– Спасибо, Томми, мне правда полегчало после нашего разговора, – соврала Холли.

– Всегда к вашим услугам, мисс Торн.

Томми стал дальше мести проход между столами, а Холли закинула в рот еще парочку драже и прикинула, получится ли у нее пройти медкомиссию на водителя мусоровоза. У этой работы было одно неоспоримое преимущество – собирать мусор лучше, чем его производить. И потом, всегда приятно сознавать, что хотя бы один человек в Портленде уж точно тебе завидует.

Холли посмотрела на настенные часы: час тридцать, а сна ни в одном глазу. Прийти домой, завалиться в кровать, уставиться в потолок и копать в себе несчастной совсем не хотелось. Впрочем... На самом деле именно этого Холли и хотелось, потому что она увязла в депрессии. Она понимала, что это нездорово. Выбора особого не было – в будни в Портленде ночная жизнь походила на круглосуточную пышечную.

До отпуска оставался всего день, но Холли казалось, что он никогда не наступит. Она ничего не планировала, просто хотела отдохнуть, потусить и забыть о существовании газет. В кино, может, сходить. Прочитать пару-тройку книг. Или съездить в реабилитационный центр Бетти Форд и пройти курс, очищающий от жалости к себе.

Холли достигла опасной стадии, когда начинаешь размышлять о собственном имени. Холли Торн – колючка остролиста. Красота! Просто красота! Господи, что подвигло родителей так ее наградить? Станет Пулицеровский комитет присуждать премию женщине с таким мультяшным имечком? Нет, конечно! Иногда (естественно, среди ночи) ей хотелось позвонить родителям и спросить: у вас совсем нет вкуса или вы просто неудачно пошутили? Или это была оознанная жестокость по отношению к собственному ребенку?

Но ее родители были, что называется, солью земли, они вкалывали и отказывали себе во всем, лишь бы дать дочери достойное образование. Они хотели для нее только лучшего. Узнай они, что дочь ненавидит собственное имя, которое они считали не просто удачным, но даже не лишенным изящества, это было бы для них настоящим ударом. Холли безумно любила своих стариков и только в состоянии глубочайшей депрессии могла обвинить их в собственных неудачах.

Испугавшись, что все-таки не сдержится и позвонит родителям, Холли быстро повернулась к компьютеру и открыла файл с последним номером. Информационно-поисковая система «Портленд пресс» позволяла штатным репортерам проследить все статьи от редактирования и верстки до выпуска. Утренний номер уже сверстали и отослали в печать, так что Холли могла

просмотреть каждую страницу на своем компьютере. Читабельны были только заголовки, но любой абзац или картинка увеличивались до размеров экрана. Холли порой баловала себя самыми важными новостями еще до того, как газета попадала к читателю. В такие моменты она чувствовала себя посвященной, именно это зачастую и привлекает молодых людей в журналистику.

Холли просматривала заголовки первых страниц в поисках интересного материала и все больше хмурилась. Серьезный пожар в Сент-Луисе, девять погибших. Предчувствие войны на Ближнем Востоке. Нефтяное пятно у берегов Японии. Ураган и наводнение в Индии, десять тысяч человек остались без крова. Правительство снова повышает налоги.

Она всегда понимала, что новостная индустрия жиреет на негативе, катастрофах, скандалах, бессмысленном насилии и вражде, но сейчас этот бизнес вдруг показался ей омерзительным. Она осознала, что больше не хочет быть посвященной, не хочет первой узнавать о людских несчастьях.

Холли уже собралась закрыть файл и выключить компьютер, и тут ее внимание привлек очередной заголовок: «Таинственный незнакомец спасает мальчика». Эти четыре слова мгновенно напомнили Холли о случае у школы Маколбери, произошедшем около двух недель назад, и разожгли ее любопытство. Холли увеличила сектор с началом статьи.

Судя по ссылке, все произошло в Бостоне. Материал сопровождался размытой фотографией. Снимок был темным, но, увеличив масштаб, можно было разобрать текст. Холли еще больше приблизила нужный сектор и выделила первый столбец статьи.

Вводный абзац заставил Холли напрячься и расправить плечи.

«Отважный прохожий (сообщивший только, что его зовут Джимом) спас Николаса О'Коннера шести лет, который едва не погиб при взрыве подземной трансформаторной будки Энергетической компании Новой Англии. Взрыв произошел под тротуаром в жилом районе Бостона в среду вечером».

– Какого черта? – прошептала Холли и вывела на экран фотографию.

Она увеличивала снимок, пока лицо героя не заняло весь экран.

Джим Айронхарт.

Не веря собственным глазам, Холли застыла перед компьютером. У нее вдруг возникло желание узнать об этом человеке как можно больше. Причем этот позыв было не сравнить с простым любопытством, она ощутила его на физическом уровне, как внезапный приступ голода.

Холли вернулась к тексту, быстро дочитала его, а потом перечитала снова.

Николас О'Коннер сидел на тротуаре перед своим домом, прямо на бетонном люке два на три фута, который закрывал спуск в трансформаторную будку энергетической компании, где легко могли развернуться четверо рабочих. Мальчик играл в машинки. Родители наблюдали за ним с крыльца дома.

– Я видел, как он подскочил и схватил Ники, – рассказывал отец мальчика. – Понимаете, он шел напрямиком к Ники, поэтому я подумал, что это какой-то шизанутый педофил решил украсть моего сына.

Незнакомец сгреб мальчика, перепрыгнул через штaketник на лужайку О'Коннеров, и в следующую секунду у него за спиной в подземной трансформаторной будке взорвалась линия напряжением в семнадцать тысяч вольт. Ударная волна подбросила бетонный люк в воздух, как пенни, а следом с ревом взлетел огненный шар. Незнакомец был крайне смущен обрушившимися на него потоками благодарности от родителей мальчика и подросевших соседей, свидетелей его героического поступка. Он объяснил, что, проходя мимо люка, почувствовал запах расплавленной изоляции и, услышав характерное шипение, сразу понял, в чем дело, потому что «когда-то работал в энергетической компании». Когда кто-то из очевидцев снял незнакомца на телефон, тот, явно раздосадованный, тут же покинул место происшествия. Он не

захотел общаться с журналистами, объяснив это тем, что ценит свое право на частную жизнь и не желает привлекать лишнее внимание.

Чудесное спасение Николаса О'Коннера имело место в четверг, в семь сорок вечера в Бостоне. В Портленде в это время было без двадцати пять. Холли посмотрела на настенные часы. Утро пятницы, две минуты третьего. Ники О'Коннер был спасен от неминуемой смерти примерно девять с половиной часов назад.

След еще свежий.

Холли хотела задать пару вопросов репортеру из «Глоб», который написал эту статью, но в Бостоне часовая стрелка только-только перевалила за пять утра, так что застать его на работе было нереально.

Холли закрыла файл с последним выпуском и, когда на экране компьютера появилось стандартное меню, вошла через модем в огромную базу данных, на которую была подписана «Пресс». Она задала команду сервису «Ньюсвеб» просканировать все материалы (сетевые и печатные) за последние три месяца и отобразить те, в которых упоминалось имя Джим в соседстве со словом «спасение» или фразой «спас жизнь», затем распечатать все найденные уникальные статьи.

Пока «Ньюсвеб» выполнял задачу, Холли схватила со своего стола телефонную трубку и принялась обзванивать справочные с кодами 818, 213, 714 и 619. Она надеялась найти номер Джима Айронхарта в списках абонентов округов Лос-Анджелеса, Оринджа, Риверсайда, Сан-Бернардино и Сан-Диего. Ни один из операторов ей не помог. Если Айронхарт действительно жил в Южной Калифорнии, его телефон в справочниках не значился.

Тихо загудел лазерный принтер, который Холли делила еще с тремя коллегами. Первые находки «Ньюсвеба» соскальзывали в поднос после распечатки.

Холли не терпелось забежать в кабинет, где стоял принтер, и прочитать распечатку, но она сдержалась и, усилием воли сосредоточившись на телефоне, искала способ вычислить Джима Айронхарта в той части Калифорнии, которую местные называли «тот самый Саутленд».

Еще несколько лет назад она могла просто связаться через компьютер с Департаментом автомобильного транспорта Калифорнии и за небольшую плату узнать адрес любого владельца действующих прав. Но после того как одержимый фанат именно таким образом выведal адрес актрисы Ребекки Шеффер и убил ее, вышел закон, ограничивающий доступ к информации департамента.

Будь Холли хакершей, она бы, ни секунды не колеблясь, взломала компьютер департамента или проникла в банк данных бюро кредитных историй и выудила досье на Айронхарта. Холли знала репортеров, которые совершенствовали свои компьютерные знания именно в этих целях, но сама всегда добывала информацию исключительно законными способами.

«Потому-то ты и пишешь о таких сенсациях, как вручение призового „бревна“, – кисло подумала Холли.

Ломая голову над решением проблемы, она торопливо прошла в комнату с вендинговыми автоматами и купила себе кофе – горького на вкус, как бычья желчь. Холли все равно его выпила (без кофеина до утра не продержаться), потом взяла еще стаканчик и вернулась в редакцию.

Лазерный принтер затих. Холли схватила распечатки и устроилась за своим столом.

«Ньюсвеб» выдал толстую пачку статей из национальной прессы с заданными параметрами – «Джим», «спасение» или «спас жизнь» в десяти словах по соседству. Холли быстро их пересчитала. Двадцать девять.

Первая – трогательный сюжет из «Чикаго сан-таймс».

Холли прочитала вступительное предложение вслух:

– Джим Фостер из Оук-Парка спас больше сотни бродячих котом, которым грозило...

Она бросила распечатку в корзину для бумаг и взяла следующую.

Статья из «Филадельфия инкуайрер».

«Питчер „Филлис“ Джим Пилсбури спас свой клуб от унижительного поражения...»

Эта тоже полетела в корзину.

Третья оказалась рецензией на кинофильм, и Холли не стала тратить время на поиски упоминаний о Джиме.

Четвертая была посвящена писателю Джиму Харрисону. Пятая – истории о политике из Нью-Джерси, который с помощью приема Хеймлиха спас жизнь боссу мафии, когда они пили пиво в баре и радроне начал задыхаться, подавившись перченой сосиской «Джим-слим».

Холли уже начала подозревать, что к концу стопки останется с пустыми руками, но шестая заметка из «Хьюстон хроникл» сработала покруче горького кофе: Холли вытаращила глаза.

«Женщина спасена от мести бывшего мужа. Четырнадцатого июля Аманда Каттер, выигравшая долгий бракоразводный процесс и опеку над детьми, едва не погибла от рук бывшего мужа Космо, который пытался застрелить ее на пороге особняка в районе Ривер-Оукс. Разъяренный Космо дважды промахнулся и, прежде чем успел выстрелить в третий раз, был скручен и обезоружен мужчиной, который, по словам Аманды Каттер, „появился словно из ниоткуда“. Спаситель Аманды назвался Джимом и растворился в сыром воздухе Хьюстона еще до прибытия полиции. Он явно сильно впечатлил недавно разведенную тридцатитрехлетнюю Аманду Картер. По ее словам, он красив и великолепно сложен, как супергерой из блокбастера, а такие удивительные глаза можно увидеть разве только в мечтах».

Холли не забыла ярко-голубые глаза Джима Айронхарта. Она была не из тех женщин, которые видят в своих мечтах чьи-то глаза, но признавала, что глаза Джима произвели на нее неизгладимое впечатление... Черт, и правда – такие увидишь только в мечтах. Ей совсем не хотелось соглашаться с мыслью, что при встрече с Джимом она вспыхнула, словно девочка-подросток, но она не умела обманывать себя, равно как и других. Холли вспомнила первое впечатление, когда их взгляды встретилась. В голубых глазах Джима Айронхарта был жуткий, какой-то потусторонний холод, но Джим улыбнулся, и этот холод исчез, и больше она его никогда не чувствовала.

Седьмая статья воспевала еще одного благородного и скромного Джима, который отказался принимать благодарности и не стал дожидаться журналистов, после того как пятого июля спас тридцатилетнюю Кармен Диаз из горящего дома в Майами. У этого тоже были голубые глаза.

Просматривая оставшиеся двадцать два материала, Холли нашла еще два об Айронхарте, хотя фамилия нигде не упоминалась.

Двадцать первого июня в Гарлеме четверо подростков из местной молодежной группировки за отказ вступить в братство наркоторговцев едва не сбросили с крыши восьмизэтажного дома Тадеуша Джонсона. Тадеуша спас голубоглазый мужчина, обезвредив четверых отморозков серией ударов тхэквондо. «Он был как Бэтмен, только без дурацкого костюма», – сказал Тадеуш репортеру «Дейли ньюс».

Двумя неделями ранее, седьмого июня, еще один голубоглазый Джим «словно материализовался» в Короне, штат Калифорния, у дома Луиса Андретти двадцати восьми лет в ту самую секунду, когда тот собирался спуститься в подвал, чтобы починить текущую трубу. «Он предупредил меня, что под домом поселилось семейство гремучих змей», – сказал Андретти репортеру. После этого команда из агентства по борьбе с переносчиками опасных болезней обследовала дом по периметру с помощью галогенной лампы. Они обнаружили не обычное змеиное гнездо, а «просто какой-то кошмар». В результате из-под дома Андретти извлекли сорок гремучих змей.

«Одного не могу понять, – признался Андретти, – как этот парень узнал о змеях? Я столько лет жил в своем доме и даже не подозревал, что они там завелись».

Теперь на руках у Холли было четыре эпизода с Джимом, не считая спасения Ники О'Коннера в Бостоне и Билли Дженкинса в Портленде. И все произошло после первого июня.

Она настроила «Ньюсвоб» на поиск подобных происшествий за март, апрель и май.

Без кофе было не обойтись. Холли встала, чтобы пойти в комнату с автоматами, и только тогда заметила, что Джорджа Финтела уже нет в редакции. Значит, он проспался и потащился домой. Томми тоже ушел. Кроме нее, в новостном отделе никого не осталось.

Холли снова купила стаканчик кофе, и он показался уже не так плох. Автомат, ясное дело, не стал варить кофе получше, просто вкус притупился после двух предыдущих порций.

В итоге «Ньюсвоб» нашел одиннадцать подходящих по заданным параметрам публикаций за период с марта по май. Интерес Холли вызвала только одна.

Пятнадцатого мая в Атланте, штат Джорджия, некий голубоглазый Джим вошел в круглосуточный минимаркет как раз во время вооруженного ограбления. Он застрелил Нормана Ринка, который намеревался убить двух посетителей – Сэма Ньюсама двадцати пяти лет и его пятилетнюю дочь Эмили. Грабитель накачался наркотиками и уже успел просто ради забавы убить продавца и двух других покупателей. Покончив с Ринком и убедившись, что Ньюсамам ничего не угрожает, Джим исчез до приезда полиции.

С записи на видеокамере мини-маркета сделали снимок героя. Просмотрев все статьи, Холли нашла только две фотографии, включая эту из магазина. Фото получилось размытым, но она сразу узнала Джима Айронхарта.

Некоторые детали этой истории не давали Холли покоя. Если Айронхарт, обладая некими удивительными способностями типа ясновидения, предвидел фатальные ситуации в жизни случайных людей и всегда умудрялся оказаться на месте, чтобы предотвратить трагедию, почему он не появился в мини-маркете на несколько минут раньше и не спас продавца и двух других покупателей? Почему он выручил Ньюсамов, а другим дал умереть?

Это еще ладно, а вот от того, как именно Джим расправился с Ринком, у нее аж холодок по спине пробежал. Он всадил в обдолбанного грабителя четыре заряда из дробовика двенадцатого калибра, а потом, хотя Ринк уже был мертвее мертвого, пальнул еще четыре раза.

«Он был в дикой ярости, – рассказывал Сэм Ньюсам. – Лицо красное, весь вспотел, вены на лбу и висках аж вздулись. А еще он плакал... Но смотреть на него все равно было страшно».

Когда все было кончено, Джим попросил прощения за то, что так жестоко расправился с Ринком на глазах у маленькой Эмили. Пытаясь оправдаться, он пояснил, что психи типа этого наркомана и его «немного сводят с ума».

«Да, он спас нам жизнь, – сказал репортеру Ньюсам, – но, поверьте, в тот момент он был почти так же страшен, как этот Ринк».

Сообразив, что в некоторых случаях Джим мог и не называть своего имени, Холли запросила ссылки на статьи за последние полгода, в которых попадались фразы типа «спас жизнь» в соседстве с определением «голубые». В результате обнаружилось, что многие очевидцы не могли дать точное описание Джима, но большинство запомнило его поразительно голубые глаза.

Холли ходила в туалет, купила еще кофе и встала возле принтера.

Она выхватывала каждую свежую распечатку, быстро ее просматривала и выбрасывала в корзину для бумаг, если статья не представляла интереса, или читала, если это была очередная история о спасении в последнюю секунду.

«Ньюсвоб» выдал еще четыре материала, которые определенно походили на случаи с участием Джима Айронхарта, хотя его имя в них не упоминалось.

Вернувшись за стол, Холли запросила у поисковика ссылки на все публикации с упоминанием фамилии Айронхарт за последние полгода.

В ожидании ответа она рассортировала материалы в хронологическом порядке и составила список спасенных Джимом людей, включая последние четыре случая. Она указывала имена выживших, их возраст, место происшествия и вид смерти, которой им удалось избежать.

Холли просмотрела составленный список и кое-что мысленно выделила, но тут «Нью-свеб» просигналил, выполнив последнее задание.

Холли встала, прошла к принтеру и вдруг поняла, что она уже не одна. Три репортера и редактор, все из жаворонков, сидели за своими столами. Хэнк Хокинс, редактор деловых страниц, всегда приходил пораньше, чтобы быть на работе до открытия финансовых рынков на Восточном побережье. Холли даже не заметила, как они вошли. Два репортера перешучивались и громко смеялись, а Хокинс разговаривал по телефону, но она вообще ничего не слышала, пока не увидела коллег.

Холли посмотрела на часы. Десять минут седьмого.

В окна просачивался молочно-белый свет, а она даже не сознавала, что ночь уже отступила.

Холли глянула на пустые бумажные стаканчики из-под кофе на своем столе: их оказалось ровно на два больше, чем она предполагала.

Отчаяние, преследовавшее Холли последние дни, недели и даже годы, отступило. Она снова чувствовала себя репортером. Настоящим репортером.

Холли прошла к принтеру, забрала все распечатки и вернулась на рабочее место. За последние шесть месяцев в сети нашлось только пять ссылок на людей с фамилией Айронхарт.

И да, они явно были не из героев.

Кевин Айронхарт, Буффало, Нью-Йорк. Сенатор штата. Выставил свою кандидатуру на пост губернатора.

Анна Дениз Айронхарт, Бока-Ратон, Флорида. Обнаружила аллигатора в своей гостиной.

Лори Айронхарт, Лос-Анджелес, Калифорния. Автор песен. Номинирован на премию «Песня года».

Валери Айронхарт, Сидар-Рапидс, Айова. Родила четверых близнецов.

Последним шел материал о Джеймсе Айронхарте. Он был опубликован в «Ориндж-каунти реджистер» за десятое апреля и освещал событие, о котором писали десятки газет по всей стране, но компьютер выбрал только этот, так как Холли задала условие не распечатывать повторяющиеся статьи.

Холли глянула на строчку с выходными данными. Лагуна-Нигель. Калифорния. Южная Калифорния. Саутленд.

Фотографии не было, но репортер при описании героя упоминал о поразительно голубых глазах и густых каштановых волосах. Холли не сомневалась, что это ее Джим Айронхарт, и не удивилась, что нашла его. Она знала: если не отступится, рано или поздно обязательно его вычислит. Что ее удивило – так это тема статьи, в которой появилось его полное имя. Холли ожидала очередную историю о том, как Джим в последний момент вырвал кого-нибудь из лап смерти, но заголовок оказался для нее полной неожиданностью.

«ДЖЕКПОТ „ЛОТТО“ В ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ВЫИГРАЛ ЖИТЕЛЬ ЛАГУНА-НИГЕЛЬ».

2

После спасения Николаса О'Коннера Джиму впервые за последние четыре дня удалось спокойно поспать.

Он вылетел из Бостона в пятницу днем двадцать четвертого августа. Благодаря перелету через всю страну выиграл три часа, в аэропорту имени Джона Уэйна приземлился в десять минут четвертого и спустя еще полчаса был дома.

Он сразу прошел в кабинет и откинул угол ковра, который скрывал встроенный в пол сейф. Набрал код, открыл дверцу и достал пять тысяч долларов – десять процентов от всех хранившихся в тайнике наличных.

Потом, усевшись за стол, вложил стодолларовые купюры в объемный конверт фирмы «Джиффи», запечатал его степлером, указал адрес отца Гиэри из церкви Святой Девы пустыни и наклеил марки.

Письмо Джим решил отправить утром, а пока прошел в гостиную и включил телевизор. Пощелкал кабельные каналы, ни один фильм его не заинтересовал; включил новости, но и на них не смог сосредоточиться. Потом разогрел пиццу в микроволновке, открыл банку пива и устроился в кресле с книгой. Книга наводила тоску. Полистал свежие журналы, все статьи показались скучными.

Ближе к сумеркам Джим взял вторую банку и вышел на террасу. Легкий бриз покачивал пальмовые листья. Звездчатый жасмин, растущий вдоль дома, источал сладкий аромат. Красные, лиловые и розовые бальзамины сияли в сумерках, словно люминесцентные краски «Дейгло», а когда солнце зашло, потускнели, будто сотни крохотных лампочек, выключенных с помощью реостата. Ночь опускалась на город, как огромный невесомый плащ из черного шелка.

Вокруг царила безмятежность, но на душе у Джима было беспокойно. С тех пор как пятнадцатого мая он спас Сэма Ньюсама и его дочь Эмили, с каждым днем ему становилось все труднее вести обычную жизнь и получать от нее удовольствие. Он не мог расслабиться, постоянно думал о людях, которых сможет уберечь от смерти, когда снова услышит слова: «спасательный круг». Все остальное в сравнении с этим казалось таким незначительным.

Теперь, когда Джим превратился в орудие некой высшей силы, ему было трудно оставаться обычным человеком.

Проведя весь день за сбором информации о Джиме Мэдисоне Айронхарте и подремав всего два часа, чтобы хоть немного восстановить силы после бессонной ночи, Холли получила долгожданный отпуск и отправилась в округ Ориндж.

По прилете она взяла напрокат машину и поехала на юг, а там остановилась в мотеле «Лагуна-Хиллз».

Городок Лагуна-Хиллз находился вдалеке от побережья, но в Лагуна-Бич и Лагуна-Нигель, как и в других курортных местечках, летом номера надо было заказывать заранее. Впрочем, Холли не планировала ни купаться, ни загорать. Обычно в отпуске она присоединялась к толпам желающих заполучить рак кожи, но в этот раз планировала совместить отдых с работой.

Когда Холли наконец добралась до мотеля, ей уже казалось, что в глаза песок насыпали, а чемодан, который она волокла в номер, тянул ее к земле в пять раз сильнее обычного.

Номер был простой и чистый. Кондиционер работал так, что, если бы постояльцем был тоскующий по дому эскимос, он бы вполне мог окунуться в атмосферу родной Аляски.

В крытом переходе между корпусами стояли автоматы. Холли купила пакет крекеров со вкусом арахисового масла и сыра, банку диетического «Доктора Пеппера» и заморила червячка, сидя на кровати. Она так вымоталась, что у нее притупились все чувства, включая вкус. С таким же успехом она могла есть стироловый пенопласт, запивая ослиным потом.

Едва голова Холли коснулась подушки, внутри словно щелкнул выключатель, и она тут же заснула.

И ей приснился сон. Станный сон, потому что все происходило в кромешной тьме. Образов в нем не было, были только звуки, запахи и тактильные ощущения. Возможно, такие сны видят слепые от рождения люди. Холли оказалась в сыром, холодном помещении. Слабо пахло известкой. Сначала страшно не было, она, немного озадаченная, просто шла вдоль стены,

ощупывая плотно уложенные каменные блоки. Спустя какое-то время Холли поняла, что стена одна и идет по кругу. Тишину нарушали только ее шаги и дождь, барабанивший по черепичной крыше.

Холли отдалилась от стены и, вытянув вперед руки, пошла по сколоченному из массивных досок полу. Она не спотыкалась и не наскокивала на невидимые препятствия, но любопытство вдруг сменил страх. Холли остановилась и замерла: она была уверена, что слышала какой-то зловещий звук.

Совсем тихий, он едва пробивался сквозь несмолкающий шум дождя и был похож на писк.

Холли представила крысу, жирную лоснящуюся крысу. Но звук был слишком протяжным и странным. Это был скорее скрип, а не писк, но не похожий на скрип половиц под ногами. Звук стих, а через несколько секунд раздался снова... Снова стих и снова повторился... Он повторялся через равные промежутки времени.

Холли подумала, что так работает некий несмазанный механизм, но догадка не принесла облегчения. Наоборот, сердце заколотилось чаще, она стояла в непроглядно-темной комнате и силилась представить, что это за машина. Скрип стал только чуть громче, но повторялся с нарастающей скоростью: сначала через каждые пять-шесть секунд, потом через три-четыре, потом через две-три, а потом каждую секунду.

Внезапно вступил еще один странный, похожий на свист или шипение звук. Как будто воздух рассекал широкий и плоский предмет.

Шух-х.

Совсем близко, но движения воздуха не чувствовалось.

Шух-х.

В голову Холли пришла дикая мысль, что это лезвие.

Шух-х.

Огромное лезвие. Острое. Рассекает воздух.

Шух-х.

Холли почувствовала приближение чего-то ужасного – ужасного настолько, что, даже увидев это при дневном свете, она не смогла бы понять его природу.

Холли сознавала, что все это лишь сон, но в то же время понимала, что должна как можно быстрее выбраться из темного каменного помещения... Иначе умрет. Из ночного кошмара нельзя убежать: чтобы от него избавиться, надо проснуться. Но Холли не могла проснуться, она слишком устала, у нее не было сил разорвать оковы сна.

Темная комната начала поворачиваться вокруг своей оси. Холли чувствовала, как вращается некое огромное сооружение – скрип, свист.

Взмывает в дождливую ночь – скрип, свист.

Поворачивается – скрип, свист.

Рассекает воздух – скрип, свист.

Она пытается закричать – скрип, свист.

Но не может выдавить из себя ни звука – свист, свист, свист.

Не может проснуться и позвать на помощь – шух-х!

– Нет!

Джим резко сел в постели, дико трясясь и обливаясь липким потом.

Вечером он оставил лампу включенной. В последнее время он часто ложился при свете. Уже больше года его мучили ночные кошмары с самыми разными сюжетами и чудовищами, но, проснувшись, он редко мог вспомнить, что именно ему приснилось. Страшнее всех было омерзительное бесформенное существо, которое снилось ему, пока он отлеживался в доме отца Гиэри, Джим звал его врагом, но оно было не единственным.

В этот раз ужас исходил не от человека и не от какой-нибудь твари, а от места. От ветряной мельницы.

Джим посмотрел на часы на прикроватном столике: без пятнадцати четыре.

Он встал с постели и в одних пижамных штанах побрел в кухню.

Свет флуоресцентной лампы резал глаза. Оно и к лучшему, Джиму хотелось побыстрее сбросить с себя остатки сна.

Чертова мельница.

Джим включил кофеварку, засыпал в нее крепкий колумбийский кофе, по готовности выпил полчашки, долил еще и сел за столик для завтраков. Он твердо настроился выпить весь кофейник, потому что не хотел заснуть и снова погрузиться в кошмар.

После каждого страшного сна Джим неизменно пробуждался усталым, но после ветряной мельницы ему казалось, что на него напали. Грудь всякий раз болела так, словно сердце поранилось, пока бешено колотилось о ребра. Иногда он по нескольку часов не мог унять дрожь. В висках пульсировало, голова раскалывалась, словно нечто пыталось вырваться наружу из его черепа.

Джим знал, что увидит в зеркале изможденное бледное лицо с темными провалами глаз – лицо смертельно больного, из которого рак высасывает последние жизненные силы.

Ветряная мельница являлась Джиму гораздо реже других кошмаров, всего один-два раза в месяц, но была самым страшным из всех.

Что странно, в этом сне не происходило ничего особенного.

Ему снова десять лет. Он сидит на пыльном дощатом полу в небольшой комнате над главным помещением мельницы, где установлены старинные каменные жернова. Комнатку освещает мерцающее пламя одной-единственной толстой желтой свечи. Ночь давит на узкие, похожие на бойницы древней крепости окна. Дождь стучит по стеклам. Вдруг раздается скрип ржавого несмазанного механизма, и паруса мельницы приходят в движение. Они вращаются все быстрее и рассекают влажный воздух, точно гигантские косы. Вертикальный вал, который опускается с потолка и уходит в дыру в центре комнаты, тоже начинает вращаться, и от этого создается впечатление, что круглый пол вертится, как карусель. В нижнем помещении вдруг вздрагивают старинные каменные жернова, они трутся друг о друга с тихим, напоминающим глухие раскаты грома звуком.

Вот и все. Ничего ужасающего. И тем не менее этот сон пугал Джима до смерти.

Он сделал большой глоток кофе.

И еще вот что странно: в реальной жизни мельница была хорошим местом, там с ним никогда не случалось ничего плохого. Она стояла на ферме деда между прудом и кукурузным полем. Для мальчишки, который родился и вырос в большом городе, мельница оказалась идеальным убежищем для игр, там он предавался мечтам или прятался от всех, когда было плохое настроение. Джим не мог понять, почему ветряная мельница, о которой у него были только хорошие воспоминания, преследует его в ночных кошмарах.

Жуткий кошмар закончился, а она так и не проснулась.

Холли Торн тихо проспала ночь напролет, спокойно и неподвижно, точно камень на дне моря.

3

В субботу утром Холли позавтракала в баре мотеля. Большинство посетителей, судя по внешнему виду, приехали на отдых – все как один нарядились в шорты или белые слаксы и цветастые рубашки. Ребятишки были в бейсболках и в футболках с рекламой «Подводного мира», Диснейленда или парка развлечений «Ноттс-берри фарм». Родители, не отрываясь от

завтрака, изучали карты и брошюры, планируя маршруты к достопримечательностям, которых в Калифорнии хоть отбавляй. В зале насчитывалось столько рубашек поло или их подделок, что пришелец с другой планеты мог бы подумать, что Ральф Лорен – местное верховное божество или мировой диктатор.

Холли ела оладьи с черникой и изучала список спасенных Джимом Айронхартом людей. Все случаи она расположила в хронологическом порядке:

15 мая – Сэм и Эмили Ньюсам, 25 и 5 лет. Атланта, Джорджия (убийство).

7 июня – Луис Андретти, 28 лет. Корона, Калифорния (укус змеи).

21 июня – Тадеуш Джонсон, 20 лет. Нью-Йорк, Нью-Йорк (убийство).

30 июня – Рейчел Стейнберг, 23 года. Сан-Франциско, Калифорния (убийство).

5 июля – Кармен Диаз, 30 лет. Майами, Флорида (пожар).

14 июля – Аманда Каттер, 30 лет. Хьюстон, Техас (убийство).

20 июля – Стивен Эймс, 57 лет. Бирмингем, Алабама (убийство).

1 августа – Лаура Линаскиан, 28 лет. Сиэтл, Вашингтон (утопление).

8 августа – Дуги Баркитт, 11 лет. Пеория, Иллинойс (утопление).

12 августа – Билли Дженкинс, 8 лет. Портленд, Орегон (ДТП).

20 августа – Лиза и Сузи Явольски, 30 и 10 лет. Пустыня Мохаве (убийство).

23 августа – Николас О'Коннер, 6 лет. Бостон, Массачусетс (взрыв).

Некоторые закономерности сразу бросались в глаза. Шестеро из четырнадцати спасенных Джимом людей были несовершеннолетними. Семь в возрасте от двадцати трех до тридцати. И только один пожилой мужчина – Стивен Эймс пятидесяти семи лет. Из этого можно было сделать вывод, что Айронхарт по большей части спасал молодых. Так же легко было заметить, что активность со временем возрастала. Один эпизод в мае, три в июне, три в июле, а в августе, хотя до конца месяца оставалась еще неделя, уже пять.

Станным казалось количество людей, которые должны были погибнуть от руки убийцы или убийц: по статистике, люди куда чаще гибнут в результате несчастных случаев. Одни только ДТП с летальным исходом уносят больше жизней, чем убийства. Однако Джим предотвратил больше убийств, чем несчастных случаев. Восемь из четырнадцати эпизодов, то есть больше шестидесяти процентов.

Возможно, готовящееся убийство он чувствовал острее, чем все другие угрозы жизни, потому что человеческое насилие генерирует более мощные психические вибрации, чем несчастные случаи...

Холли перестала жевать и замерла, не донеся вилку до рта. До нее наконец дошло, насколько необычна эта история. Взвзвись за нее, она не давала себе передышки, ею двигали амбиции и репортерское любопытство. Сначала перевозбуждение, а потом дикая усталость не давали ей трезво обдумать всю подоплеку и все последствия действий Айронхарта.

Холли положила вилку на стол и уставилась в тарелку, словно недоеденные оладьи и размazanное черничное варенье могли подсказать ответ. Как цыганка, которая гадает на кофейной гуще или по ладони.

Кто, черт возьми, этот Айронхарт? Медиум?

Холли никогда особо не интересовалась экстрасенсорикой или сверхспособностями. Естественно, она слышала о людях, которые утверждали, будто способны «увидеть» убийцу, прикоснувшись к одежде жертвы. И о тех, кто иногда помогал полиции найти тела пропавших людей. В «Нэшнл инкуайрер» неплохо платили за прогнозы мировых событий и будущего звезд. Некоторые заявляли, что способны общаться с душами мертвых. Но интерес Холли ко всему сверхъестественному был настолько незначителен, что у нее так и не сложилось мнение по поводу этих людей. Не то чтобы она считала их мошенниками, просто сама эта тема казалась слишком скучной, чтобы вообще о ней задумываться.

Несмотря на свои рационализм и цинизм, Холли все же считала себя достаточно гибкой, чтобы принять идею о существовании действительно сильных медиумов, но она не была уверена, что «медиум» – подходящее определение для Джима Айронхарта. Этот парень не стал бы обращаться в дешевые таблоиды с предсказаниями о том, что Стивен Спилберг (сюрприз!) в следующем году снимет очередной блокбастер, что Шварценеггер так и не избавится от акцента, что Том Круз бросит очередную подружку, а Эдди Мёрфи в обозримом будущем останется чернокожим. Джим Айронхарт знал все обстоятельства надвигающихся смертей. Ему было точно известно – кто, когда, где и как. Причем он знал детали заранее и поэтому мог изменить ход событий. Он не гнул ложки силой мысли, не говорил загробным голосом древнего духа Рама-Лама-Дингдонга и не предсказывал будущее по внутренностям, каплям воска или картам Таро.

Ради всего святого, он спасал людей! Он менял судьбы, причем не только судьбы тех, кого вырывал из лап смерти, но и судьбы их друзей и родных, избавляя их от неизбежных страданий. И он чувствовал надвигающуюся угрозу на расстоянии трех тысяч миль, разделявших Лагуна-Нигель и Бостон!

Возможно, он геройствовал и за пределами Соединенных Штатов, Холли ведь не пренебрежала международными медиа за последние полгода. Он вполне мог спасти людей в Италии, Франции, Германии, Японии, Швеции или Паго-Паго.

Определение «медиум» для него явно не годилось. Холли не могла придумать подходящее слово. Она будто бы предвкушала чудо, что странно, потому что в чудеса она верила в детстве, а те времена давно прошли. И еще примешивался благоговейный страх.

Холли поежилась.

Кто он такой? Что он такое?

Чуть больше тридцати часов назад она прочитала статью о спасении маленького Николаса О'Коннера и почувствовала, что напала на след сенсации, а изучив распечатки, которые ей выдал «Ньюсвек», поняла, что это будет самая главная тема в ее карьере, и не важно, сколько эта карьера продлится.

Теперь же она начала подозревать, что раскопала историю десятилетия.

– Все в порядке?

– Все очень странно, – сказала Холли и только потом поняла, что говорит не сама с собой, а отвечает на конкретный вопрос.

Рядом со столиком стояла озабоченная официантка, на кармашке ее форменной блузки было вышито имя Бернис. Холли поняла, что думала о Джиме Айронхарте, вперившись в тарелку и не съев за все это время ни кусочка. Официантка это заметила и решила, что посетительница чем-то недовольна.

Бернис нахмурилась:

– Странно?

– Ага... Странно... Я вроде как зашла в самый обычный бар, а оказалось, здесь подают вкуснейшие оладьи с черничным вареньем. В жизни таких не пробовала!

– Вы... Вам правда нравится? – запинаясь, переспросила Бернис, словно подозревая, что ее разыгрывают.

– Просто объедение!

Холли донесла вилку до рта и принялась старательно жевать холодное непрожаренное тесто.

– Я так рада! Желаете что-нибудь еще?

– Только счет.

Бернис ушла. Холли стала доедать оладьи, потому что хотела есть, а кроме них, на тарелке ничего не было.

В процессе еды она разглядывала отдыхающих – те возбужденно делились впечатлениями о достопримечательностях, которые уже успели посетить, и обсуждали дальнейшие планы. В этот момент она впервые за многие годы с трепетом почувствовала себя посвященной. Она знала то, чего не знали все остальные. Она, как репортер, владела недоступной и секретной для всех информацией. Она соберет сведения и напишет свой материал. Это будет блестящая проза, честная и экспрессивная, как лучшие заметки Хемингуэя (во всяком случае, она постарается соответствовать). Ее статью напечатают на первых полосах всех главных газет страны и даже мира. Но самое прекрасное во всем этом, что ее секрет не имеет никакого отношения к политическим скандалам, к сбросу токсических отходов или к самым разным формам террора и насилия, которые подпитывают современные средства массовой информации. Она напишет о чуде, о мужестве и надежде, о предотвращенных трагедиях и спасенных жизнях.

И все же жизнь прекрасна! Холли не могла сдержать улыбку.

Сразу после завтрака Холли взяла карты «Томас гайд» и отыскала дом Джима в Лагуна-Нигель. Адрес она вычислила по компьютеру еще в Портленде: нашла в открытых источниках информацию о сделках с недвижимостью в округе Ориндж за последний год. Нетрудно предположить, что человек, выигравший в лотерею шесть миллионов, потратит часть денег на покупку нового жилья. Предположение оказалось верным. Джим сорвал джекпот – возможно, благодаря своему дару предвидения – в начале января. Третьего мая он завершил сделку по покупке дома на Бугенвиллея-вей. Так как согласно записям Джим не покупал недвижимости раньше, можно было сделать вывод, что до своего баснословного выигрыша жилье он арендовал.

Холли удивилась, увидев, в каком скромном доме он решил поселиться. Район был новый и зеленый, совсем рядом с Краун-Вэлли-парквей, спланирован в южных традициях округа Ориндж: широкие улицы усажены молодыми пальмами и чайными деревьями, дома в средиземноморском стиле с черепичными крышами красных, песочных и персиковых оттенков. Многие мечтают жить в таком городке, и пусть даже стоимость одного квадратного фута в типовом доме Лагуна-Нигель сравнима со стоимостью квадратного фута в пентхаусе на Манхэттене, Айронхарт все равно мог позволить себе жилье получше. Его дом был самым маленьким по площади в районе – тысячи две квадратных футов, может, чуть больше. Оштукатуренные кремово-белые стены, широкие французские окна в пол и никаких раздражающих глаз излишеств. Ухоженный, но опять же маленький газон с азалиями и бальзаминами. Пара аркаструмов в то еще не жаркое утро отбрасывали кружевные тени на стены дома.

Холли ехала медленно, чтобы получше все рассмотреть. На подъездной дорожке машины не было. Шторы на окнах задернуты. Единственный способ узнать, дома ли Айронхарт, это подойти к парадной двери и позвонить. Вообще, так она и собиралась сделать. Но не сейчас.

В конце квартала Холли развернулась и еще раз проехала мимо дома Джима. Приятное место, даже милое, но такое... обычное. Не верилось, что именно здесь живет столь удивительный человек.

Виола Морено обитала в живописном зеленом квартале, построенном «Ирвин компани» в шестидесятых-семидесятых годах. Живые изгороди из боярышника с тех пор вымахали до исполинских размеров, и даже в самые знойные безоблачные дни здесь можно было укрыться от жары в тени высоченных эвкалиптов и лавров.

Обстановка в таунхаусе Виолы Морено говорила о том, что его хозяйка стилю явно предпочитает комфорт. Будто раздутый мягкий диван, удобные глубокие кресла, пухлые скамеечки для ног – все в теплых тонах. На традиционных пейзажах, украшавших стены, глаза отдыхали, а не начинали дергаться от напряженной работы мозга. И повсюду были полки с книгами и стопки журналов.

Едва переступив порог, Холли почувствовала себя как дома.

Виола казалась такой же радушной и простой, как ее жилище. Ей, американке мексиканского происхождения с безупречной кожей оттенка тусклой меди и живыми, веселыми глянцево-черными глазами, было около пятидесяти. Ростом она была ниже среднего и в силу возраста немного полновата, но Холли легко представила, как в былые времена мужчины сворачивали шеи, оглядываясь на эту женщину. Да, Виола все еще была красива. Возле двери она взяла Холли под руку, точно старинную подругу, и провела через дом на террасу, хотя до этого момента они лишь однажды говорили по телефону.

На террасе с видом на лужайку их поджидал кувшин с ледяным лимонадом и два стакана. В плетеных креслах лежали пухлые желтые подушки.

День выдался не жаркий, воздух был сухой и чистый.

– Летом я провожу здесь почти все время, – призналась Виола, когда они устроились за стеклянным столиком. – Правда, прекрасный уголок?

Два ряда таунхаусов разделяла широкая, но не глубокая, утопающая в зелени ложбина. Ее украшала пара круглых клумб с красными и лиловыми бальзаминами. Две белки сбежали по пологому склону и перепрыгнули через петляющую тропинку.

– Да, здесь просто чудесно, – согласилась Холли.

Виола разлила лимонад по стаканам.

– Мы с мужем купили этот дом, когда деревья еще были саженцами, а наш гидропосевной «зеленый пояс» зиял проплешинами. Но мы представляли, как в один прекрасный день разрастется зелень, и были терпеливы, хоть и молоды. – Виола вздохнула. – Иногда в плохие дни мне становится горько, оттого что он ушел совсем молодым, так и не увидев, как расцвел наш уголок. Но обычно я просто сижу здесь и наслаждаюсь. И надеюсь, где-то в лучшем мире Джо в этот самый момент радуется за меня.

– Мне очень жаль, – сказала Холли, – я не знала, что ваш муж умер.

– Конечно, дорогая, вы не знали. Откуда вам знать? Это случилось так давно, еще в шестьдесят девятом. Мне тогда исполнилось тридцать, а Джо – тридцать два. Мой муж служил в морской пехоте и гордился этим. И я им гордилась. И до сих пор горжусь, хотя он погиб во Вьетнаме.

Холли вдруг поняла, что большинство павших в той войне молодых ребят сейчас были бы зрелыми или даже пожилыми мужчинами. Их жены прожили без них дольше, чем с ними.

Сколько еще времени пройдет, прежде чем война во Вьетнаме будет казаться молодежи делом давно минувших дней, как крестовые походы Ричарда Львиное Сердце или Пелопоннесская война?

– Тяжкая утрата, он был так молод, – с надрывом в голосе сказала Виола, но уже через секунду спокойно добавила: – Столько воды утекло...

Жизнь этой женщины представлялась Холли спокойным путешествием от одного удовольствия к другому в тепле и уюте, под добродушный смех в компании близких друзей. Теперь она догадалась, что это только видимая сторона. По тому, с какой любовью и уверенностью в голосе Виола произнесла «мой муж», Холли поняла: сколько бы лет ни прошло, воспоминания о супруге, первом и единственном ее мужчине, никогда не потускнеют. После гибели Джо жизнь Виолы кардинально изменилась. Общительная и дружелюбная от природы, она, безусловно, осталась оптимисткой, но потеря легла на ее сердце черной тенью.

В начале карьеры каждый хороший журналист усваивает основные правила: во-первых, люди не всегда те, кем кажутся, и во-вторых, они не проще самой жизни.

Виола отпила лимонада.

– Слишком сладко. Вечно перекармливаю сахар. – она поставила стакан на стол. – Итак, вы разыскиваете брата. Расскажите о нем. Признаюсь, я заинтригована.

– Как уже говорила по телефону, я выросла в приемной семье. Мои родители были чудесными людьми, я любила их как родных, но...

– Я понимаю, вы хотели бы узнать о своих настоящих родителях.

– Да. Знаете, у меня внутри будто пустота... – сказала Холли. – На сердце словно темное пятно...

Она очень старалась не переиграть и сама удивлялась, с какой легкостью у нее получалось лгать. Обманом легко выудить нужную информацию из неразговорчивых источников. Такие признанные журналисты, как Джо Макгиннис, Джозеф Уэмбо, Боб Вудворд и Карл Бернстайн, в свое время доказали, что, если хочешь добраться до правды, надо учиться ловчить и хитрить. Но Холли не могла похвастать такими навыками. Более того, ей было неловко и совестно, но она умудрилась не выдать себя перед Виолой Морено.

– И хотя записи в агентстве по усыновлению оказались более чем скудные, мне удалось узнать, что мои настоящие, биологические, родители умерли двадцать пять лет назад, когда мне было восемь...

На самом деле Холли говорила о родителях Джима Айронхарта, которые умерли двадцать пять лет назад, когда тому было десять. Холли узнала об этом, изучив статьи о его выигрыше в лотерею.

– ...Так что у меня не было шанса их узнать, – заключила Холли.

– Это ужасно. Теперь моя очередь вас жалеть, – искренне сказала Виола.

Холли почувствовала себя последней мерзавкой. Выдуманная история показалась ей пародией на реальную трагедию в жизни Виолы. Но это ее не остановило.

– Все не так ужасно, как кажется. Я узнала, что у меня есть брат. Помните, я говорила об этом по телефону?

Виола положила руки на стол, подалась вперед и участливо спросила:

– И вы считаете, что я помогу вам найти брата?

– Не совсем так. Видите ли, я уже его нашла.

– О, я так за вас рада!

– Но... Я боюсь с ним встретиться.

– Бойтесь? Почему?

Холли посмотрела на лужайку перед домом и пару раз нервно слотнула, будто пытаясь взять себя в руки. Получилось отлично, хоть «Оскар» выдавай. Холли тошнило от самой себя.

– Насколько я знаю, – она даже дрожи в голос напустила, – у меня, кроме него, в целом свете никого нет. Он – единственная ниточка, связывающая меня с матерью и отцом, которых я никогда не знала. Он мой брат, миссис Морено, и я его люблю. Пусть мы никогда не встречались, но я люблю его. Вот только я боюсь... Боюсь, когда мы встретимся... Вдруг я ему... Как сказать?... Не понравлюсь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.